

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 77 № 3

Июль–Август–Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),

проф. *Г. Баузэрск* (Принстон),

проф. *Д. Браунд* (Эксетер), проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),

проф. *П. Калльери* (Болонья), д. филол. н. *[В.А. Лившиц]* (Санкт-Петербург),

акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (Москва),

акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва), проф. *Г. Парцингер* (Берлин),

проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона), проф. *С. Розен* (Стокгольм),

проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия), проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон),

акад. РАН *И.М. Стеблин-Каменский* (Санкт-Петербург), проф. *Ж.-Л. Феррари* (Париж),

проф. *Ф. Флесс* (Берлин), проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),

проф. *А. Ханиотис* (Принстон), проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим),

проф. *Д. Шарпен* (Париж), проф. *В. Шильц* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член.-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург), к.и.н. *И.С. Архипов* (Москва),

д. филол. н. *Д.Е. Афиногенов* (Москва), д. филол. н. *Л.С. Баюн* (Москва),

д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург), д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев),

член.-корр. РАН *М.Д. Бухарин* (Москва), д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва),

к.и.н. *В.А. Головина* (зам. главного редактора, Москва),

член.-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва),

член-корр. РАН *[М.А. Дандамаев]* (зам. главного редактора, Санкт-Петербург),

к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),

д.и.н. *С.Г. Карпюк* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (ответственный секретарь, Москва),

к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),

к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),

д-р *Э. Рекюло* (Чикаго), д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),

к.и.н. *А.Л. Смышляев* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), к.и.н. *С.Р. Тохтасьев* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *Е.Н. Андреева*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 77 Issue 3

July–August–September

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

The content is prepared in the Institute of World History (Russian Academy of Sciences) in cooperation with the State Hermitage and the Lomonosov Moscow State University

---

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairmain, Saint-Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),

Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),

Prof. *François de Callataÿ* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),

Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),

Prof. *Jean-Louis Ferrary* (Paris), Prof. *Friederike Fless* (Berlin), Prof. *Peter Funke* (Münster),

Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg), Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens),

Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint-Petersburg), Prof. *Vladimir Livshits* (Saint-Petersburg),

Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk), Prof. *Rauf Munchayev* (Moscow),

Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow), Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin),

Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona), Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia),

Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm), Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London),

Prof. *Ivan Steblin-Kamensky* (Saint-Petersburg), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem),

Prof. *Véronique Schiltz* (Paris)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Dmitry Afinogenov* (Moscow), Prof. *Andrey Alekseev* (Saint-Petersburg),

Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow), Prof. *Liliia Bayun* (Moscow), Prof. *Andrey Bolshakov*

(Saint-Petersburg), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *Alla Buyskikh* (Kiev),

Prof. *Muhammad Dandamayev* (Saint-Petersburg), Dr. *Maryam Dandamayeva*

(Saint-Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),

Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Sergey Karpyuk*

(Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),

Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow), Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Dr. *Hervé Reculeau* (Chicago),

Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow), Prof. *Alexander Sedov* (Moscow),

Dr. *Alexander Smyshlyayev* (Moscow), Dr. *Sergey Stepansov* (Moscow),

Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Dr. *Sergey Tokhtasyev* (Saint-Petersburg),

Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *E. Andreeva*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

DARIUS VERSUS XERXEM: ОБРАЗЫ ДАРИЯ I И КСЕРКСА В ДРЕВНЕПЕРСИДСКИХ ТЕКСТАХ И В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭСХИЛА И ГЕРОДОТА

Э.В. Рунг*, Е.А. Чиглинцев**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

*Eduard_Rung@mail.ru
**Evgeni.Tchiglintsev@kpfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается саморепрезентация персидских царей Дария I и Ксеркса в древнеперсидских надписях, а также репрезентация их образов в античной традиции, представленной драматургом Эсхилом и историком Геродотом. Если в древнеперсидских текстах оба царя изображались равновеликими, один выступал соратником и последователем другого, то в античной традиции, напротив, наблюдалась поляризация образов Дария и Ксеркса, когда один противопоставлялся другому. Наиболее ясно такая поляризация обнаруживается в драме Эсхила «Персы», где Дарий идеализируется, а Ксеркс представлен ответственным за все неудачи и поражения персов в войнах с греками. Геродот, однако, сравнивает Дария и Ксеркса только в некоторых случаях, так что в целом противопоставление двух царей друг другу менее очевидно, чем в случае с Эсхилом. Между тем нельзя не заметить, что образ Ксеркса в труде Геродота гораздо более негативный, чем образ Дария. Но объединяет Эсхила и Геродота в представлении ими этих двух персидских царей то, что Дарий изображается более администратором, чем воином, Ксеркс же в представлении обоих авторов – воин par excellence.

Ключевые слова: Дарий, Ксеркс, Эсхил, Геродот, образ, репрезентация, история

Данные об авторах. Эдуард Валерьевич Рунг – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ; Евгений Александрович Чиглинцев – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00353 «Рецепция античности: современные историографические и социокультурные практики».

**DARIUS VERSUS XERXEM:
THE IMAGES OF DARIUS I AND XERXES
IN OLD-PERSIAN TEXTS AND IN THE WORKS
OF AESCHYLUS AND HERODOTUS**

Eduard V. Rung*, Evgeniy A. Chiglintsev**

Kazan Federal University, Kazan, Russia

* Eduard_Rung@mail.ru

** Evgueni.Tchiglintsev@kpfu.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Humanities, No. 15-01-00353

Abstract. This article considers the development of the images of Persian Kings Darius I and Xerxes in Persia and Ancient Greece. The authors deal with self-representation of these monarchs in their inscriptions as well as perception of them in the ancient tradition represented by Aeschylus and Herodotus. They come to the conclusion that though Darius and Xerxes represented themselves as equals, they were perceived in ancient tradition as contrasting persons. It was most evident in Aeschylus' *Persians* who idealized Darius and represented Xerxes as the person mainly responsible for all misdeeds and failures of the Persians in their campaign against the Greeks. Herodotus contrasted Xerxes with Darius only on a few specific occasions, so the opposition between two Persian kings in his work is less evident than in Aeschylus' play. At the same time Herodotus' image of Xerxes is much more prejudiced and negative than that of Darius. However, there is a similarity in the representation of both Persian kings by Aeschylus and Herodotus: Darius is depicted as an administrator more than a warrior, Xerxes was a warrior *par excellence*.

Keywords: Darius, Xerxes, Aeschylus, Herodotus, image, representation, history

Работа посвящена образам великих персидских царей Дария и Ксеркса в сравнительном ракурсе по отношению друг к другу. В статье будут рассмотрены саморепрезентация этих царей в монументальных древнеперсидских надписях, созданных по их заказу и с целью их прославления, презентация в античной традиции, представленной произведениями великих греческих современников — драматурга Эсхила и «отца истории» Геродота. Выбор последних объясняется, во-первых, тем, что в «Персах» Эсхила и в «Истории» Геродота Дарий и Ксеркс были одними из основных героев повествования и материал этих двух источников дает возможность выявить образы этих царей с наибольшей полнотой, и, во-вторых, тем, что эти два произведения принадлежат к разным жанрам древнегреческой литературы, а это, в свою очередь, позволяет рассматривать образы Дария и Ксеркса с большей полнотой.

Образы Дария и Ксеркса полностью выпадают из поля зрения греческих поэтов, посвятивших свои произведения тематике греко-персидских войн: в частности, сохранившиеся поэмы Симонида Кеосского и Тимофея Милетского акцентировали внимание на персах как на некой «безликой» угрозе грекам¹. Конечно, отдельные ссылки на деятельность этих царей встречаются в других произведениях древнегреческой литературы классического периода, однако ни

¹ О поэтическом восприятии греко-персидских войн см. Rung 2007, 149–153. Об упомянутых авторах см. Molyneux 1992; Boedeker, Sider 2001; Hordern 2002.

в одном из них образы этих двух персидских монархов не поданы столь целостно, как в текстах Эсхила и Геродота. В произведениях Фукидида, Лисия, Искрата и Ликурга имена Дария и Ксеркса называются за редким исключением в контексте событий греко-персидских войн². Мы могли бы ожидать подробной характеристики этих царей в трудах греческих авторов, посвятивших свои произведения истории Персии, и там она практически отсутствует³. Единственный труд, посвященный древнеперсидской истории, о котором мы имеем обстоятельное представление благодаря его переложению патриархом Фотием и цитированию в ряде произведений древнегреческой литературы (Диодор, Николай Дамасский, Плутарх, Афиней и др.), принадлежит Ктесию Книдскому. Однако исторический материал в нем подается столь лапидарно (в изложении Фотия) или же фрагментарно (в произведениях других авторов), что практически не дает возможности исследовать образы Дария и Ксеркса в труде Ктесия⁴. Из сохранившихся фрагментов все же понятно, что сам Ктесий уделял особое внимание семейным делам и дворцовыми интригам. События же, связанные с деятельностью этих царей, прежде всего в период греко-персидских войн, о которых рассказывает Ктесий в своей «Персике», предстают в довольно искаженном виде по вине самого автора или его эпитоматора⁵. Кроме того, часто приводится версия событий, отличная от той, которая присутствует в труде Геродота⁶.

Таким образом, понятно, что обстоятельное исследование репрезентации образов Дария и Ксеркса в древнегреческой традиции, тем более в сопоставительном ракурсе по отношению друг к другу, оказывается возможным только в отношении произведений Эсхила и Геродота; тексты же других греческих авторов, к сожалению, не дают достаточной информации для воссоздания таких образов,

² Thuc. I. 14. 2; 16. 1; 118. 2; 129. 1; III. 56. 5; Lys. II. 27; Isocr. IV. 71; 85; 88; V. 42; XII. 49; 156; 161; 189; 195; Epist. 2; Lyc. I. 68; 71; 80. О восприятии греко-персидских войн Фукидиом см. Taifopoulos 1995; Rood 1999. В случае ораторов, присутствуют ссылки на Дария и Ксеркса как общих врагов всех греков для прославления афинских заслуг в войне с персами (Lenfant 1998), и в рамках доктрины панэллинизма (Bridges 2014, 99–126).

³ Подробнее см. Lenfant 2009; 2014. Д. Ленфанд акцентирует внимание на освещении авторами IV в. до н.э., посвятившими свои труды персидской истории – Ктесием, Дионом Колофонтским и Гераклидом из Кимы, организаций двора династии Ахеменидов (Lenfant 2014). Однако что касается деятельности самих царей, труды двух последних авторов сохранились в очень немногочисленных фрагментах, которые не содержат ничего существенного на этот счет.

⁴ Об историческом наследии Ктесия Книдского существует огромная литература. Наиболее значимые из недавних работ: Llewellyn-Jones, Robson 2010; Stronk 2010; Wiesehöfer, Rollinger, Lanfranchi 2011.

⁵ Все существенные упоминания, неточности и ошибки Ктесия Книдского в описании греко-персидских войн детально рассмотрел Дж.М. Бигвид, отнеся их именно на счет Ктесия, а не его эпитоматора Фотия (Bigwood 1978).

⁶ Так, если судить только по эпитоме Фотия, Ктесий, в отличие от Геродота, вообще не уделял внимания истокам и причинам греко-персидского конфликта. Поводом же к походу Ксеркса против Греции книдский историк называл не участие афинян в Ионийском восстании и поражение персов при Марафоне, как это отмечает «отец истории» (Hdt. VII. 8), а враждебные действия халкедонян (их попытка разрушить мост через Босфор, вздигнутый по приказу Дария во время его похода в Скифию, и разрушение алтаря Зевсу Диабатерию), а также и отказ афинян выдать персам тело Датиса, убитого в битве при Марафоне (Ctes. *FGrHist.* 688. F. 13 § 21). Конечно, такое видение событий не может вызвать ничего, кроме недоумения, но мы не знаем точно, что же написал Ктесий.

хотя могут в некоторых аспектах уточнить или дополнить сведения, вырисовывающиеся из сочинений основных наших авторов.

В историографии, конечно, каждый из упомянутых двух Великих царей Персии привлекал пристальное внимание исследователей в большей степени в историческом контексте (в том числе и как герои биографического жанра⁷), и в меньшей – в связи с их восприятием в античной традиции. На передний план выходит тема восприятия античными авторами персов и Персии в целом⁸, а не только личностей конкретных представителей Ахеменидов⁹. Наше исследование начнем с замечания, что Дарий I и Ксеркс в представлении как античной традиции, так и в современной культуре ассоциируются в первую очередь с войнами против греков¹⁰. Правление этих двух царей характеризует эпоху экспансии Ахеменидской империи в Европе, которая в итоге оказалась неудачной и завершилась поражением в греко-персидском конфликте. Однако надписи, составленные от лица самих Дария и Ксеркса, ни словом не упоминают о войнах с греками. Связано ли это было просто с состоянием нашей источниковой базы, включающей лишь незначительную часть надписей из всех созданных в Персии и сохранившихся до нашего времени, или же объясняется царской идеологией, не желающей акцентировать внимание на военных неудачах и направленной лишь на прославление и возвеличивание Великих царей Персии?¹¹ Трудно однозначно ответить на этот вопрос. Однако думается, что идеологический момент также не следует сбрасывать со счетов, принимая во внимание, например, содержание знаменитых текстов времени правления Дария и Ксеркса (прежде всего Бехистунскую и антидайковскую надписи), в которых отражены, помимо прочего, как восприятие исторического прошлого в Ахеменидской империи, так и идеология

⁷ Со времени издания в середине XIX в. известных книг Дж. Эбботта из серии «Творцы истории», посвященных непосредственно Дарию и Ксерксу (Abbott 1850; 1854), появились лишь несколько монографий, в которых детально рассматриваются биографии этих правителей Персии (Briant 1992; Stoneman 2015).

⁸ Lewis 1997; Munson 2009; Provencal 2015.

⁹ Sánchez 2009; Bridges 2014; Grethlein 2009; 2011.

¹⁰ Массовое знакомство с образами Дария и Ксеркса в современном обществе произошло с помощью кино. Образ Дария I предстает в итalo-французском фильме «Марафонская битва» (в его английской версии – «Гигант Марафона») 1959 г. Фильм полон антиисторических деталей, в том числе, что персидскую армию при Марафоне возглавлял сам царь. Сегодня нам известно три фильма, имеющих отношение к греко-персидским войнам, в которых центральное место занимают «триста спартанцев». Это определяет смысловую доминанту репрезентации столкновения греков и персов: демократическая Греция сопротивляется деспотизму и тирании, наступающей с Востока. Если в фильме 1962 г. все это выливается в апологию спартанского царя Леонида, а изображение персидского войска и образа Ксеркса служат лишь для символического обозначения восточного владыки, угрожающего Греции (см. Levene 2007), то образ Ксеркса в фильме «300 спартанцев» (2006), основанном на комиксе Фрэнка Миллера, приобретает ярко выраженные негативные, зловещие черты. В фильме 2013 г. «300 спартанцев. Расцвет империи» доминантой становится прямое вооруженное противостояние греков и персов, где противники предстают одинаково сильными.

¹¹ В историографии можно встретить мнение, что Дарий и Ксеркс не воспринимали Греко-персидские войны как собственное поражение, а скорее, напротив, как свою победу (Briant 2002, 542; Ruberto 2012). Отчасти это мнение навеяно замечанием Диона Христиома (XI. 149), который ссылался на якобы персидскую версию событий. Такой взгляд на события войны представлен в краткой поэме «Персидская версия», которую сочинил Роберт Грейвс – известный британский поэт и романист XX в. (см. Tuplin 2010, 251).

персидских царей¹², и повествуется о военных действиях, оказавшихся победоносными для упомянутых монархов и способствовавших их прославлению в мире собственных подданных и на международной арене.

В своих текстах Дарий I в апологетических тонах дает оценку собственной деятельности. В надписях на Бехистунской скале и на Накше-Рустамской гробнице он заявляет: все подвластные народы были «моими подданными» — *manā bandakā*¹³ (DB I. 18–19), «приносили мне подати (*manā bājīm*), строго исполняли мои приказания как днем, так и ночью» (DB I. 19–20; DNa 19–20). Далее царь отмечает, что он оказывал благодеяния лучшим людям и наказывал тех, кто был ему враждебен. «Все подвластные страны следовали моему закону (*manā dātā*)» (DB I. 23; DNa 21–22)¹⁴. В Накше-Рустамской надписи Дарий также добавляет, что для правдивого человека он был другом, а для несправедливого и лжеца — недругом, защищал слабого от притеснений сильного и т.д. (DNb 5–15), обращает внимание и на свои личные качества, которые, вероятно, по его мнению, должны были соответствовать образу во всем совершенного правителя Персии¹⁵: «Я не вспыльчив. Когда я во гневе, я твердо держу это в моей душе, я твердо властвую над собой»; «Как воин я — отличный воин... Я обладаю неутомимой силой в руках и ногах, как всадник — я отличный всадник. Как стрелок из лука, я — отличный стрелок из лука, как в пешем, так и конном строю. Как копьеносец, я — отличный копьеносец, как в пешем, так и конном строю. Это — способности, которыми одарил меня Ахурамазда, и я сумел использовать их» (DNb 31–41)¹⁶. Имперская же политика Дария находит свое отражение в сообщении упомянутой надписи на царской гробнице в Накше-Рустаме, высеченной вместе с рельефом, изображающим народы, поддерживающие царский трон, и в которой сам Дарий обращается к своим потомкам: «Когда ты подумаешь: сколь многочисленны были страны, которыми владел Дарий царь, то посмотри на изображение [подданных], поддерживающих трон. Тогда ты узнаешь и тебе станет известно, что копье персидского воина проникло далеко, тогда тебе станет известно, что персидский воин далеко от Персии поражал врагов» (DNa 39–47)¹⁷.

Позиционирование Дария в мире его подданных, во-первых, вполне соответствует восточной монархической традиции, берущей начало с самого зарождения крупных территориальных царств с despотической формой правления, в которой царь представлялся сначала визуально, а потом и текстуально

¹² Sancisi-Weerdenburg 1993; Rollinger 2014.

¹³ Обращение *mana bandaka* («мой слуга», «мой подданный») по отношению к подчиненным персидским монархам греческие авторы переводили как «раб царя» — δοῦλος τοῦ βασιλέως (Missiou 1993); обычно оно относилось к высокопоставленным персам — аристократии, чиновникам, военачальникам (Eilers, Herrenschmidt 1988; Klinkott 2008, 208–211).

¹⁴ Концепт *dāta* устанавливал «правовые» нормы существования Ахеменидской империи, основанные на обычаях, ввиду отсутствия у персов писаного законодательства. Суть этих норм заключалась в следующем: закон — это то, что установил царь для своих подданных (Tuplin 2015). В антидайковской надписи Ксеркс заявляет, что закон (*dāta*) устанавливает Ахурамазда (XPh); но, видимо, этому «закону» следует и сам царь.

¹⁵ Llewellyn-Jones 2015, 211–212.

¹⁶ Здесь и далее древнеперсидские надписи цитируются в переводе М.А. Дандамаева.

¹⁷ Привлекательно видеть здесь аллюзию на военные действия в Европе, предпринимавшиеся персами под командованием Мегабаза в 513 и Мардония в 492 гг. до н.э. (Hdt. VII. 108; исторический контекст см. Rung 2008, 28–31). Текст рассматриваемой надписи мог ссылаться также и на скифский поход Дария, который хоть и закончился неудачей, все же позволил персам на несколько десятилетий закрепиться на европейском берегу Босфора.

в героическом ракурсе (в Месопотамии так царь позиционировал себя со времен Саргона Древнего¹⁸), а во-вторых, соотносится с имперской идеологией самого Дария, особенно в том, что касается обозначения размеров его государства, созданного посредством проведения завоевательной политики¹⁹.

И если Дарий стремился к обоснованию своего родства с предшествующими правителями Тейспидов – предками Кира Великого (DB I. 6–11)²⁰, чтобы тем самым оправдать свой захват персидского престола, то его сын Ксеркс в своих надписях подчеркивает, что он был верным преемником и продолжателем политики своего отца. Наиболее значима в этом смысле знаменитая «гаремная надпись» Ксеркса: «Дарий имел других сыновей, но таково было желание Ахурамазды: Дарий мой отец сделал меня величайшим (*maθišta*) после себя (*pasā tanūt*)²¹. Когда мой отец Дарий ушел, милостью Ахурамазды я стал царем на месте своего отца» (XPf 27–43)²². Этот текст интерпретируется по-разному. Одни исследователи считали, что надпись ссылалась на совместное правление Дария и Ксеркса²³, другие, однако, полагают, что в нем идет речь просто о выборе Дарием преемника в лице сына Ксеркса²⁴. На наш взгляд, эта надпись находится в тесной связи с другими, относящимися главным образом к строительной политике ахеменидских царей, в которых Ксеркс представляет себя в качестве последовательного продолжателя дел своего отца по сооружению дворцовых комплексов в Персеполе и Сузах (XPa 11–17; XPe 9–15; XPf 27–43; XPg; XSa; XSd; XVa). На каменной же табличке, найденной близ Персеполя в 1967 г., Ксеркс практически дословно повторяет ту характеристику, которую дал себе его отец Дарий в тексте на Накше-Рустамской гробнице²⁵: Ксеркс говорит, что он друг правого и недруг лжеца, что он заботится о том, чтобы сильный не обижал слабого и слабый не претерпевал обиды от сильного, что он сдержанного нрава,

¹⁸ Westenholz 2000; Llewellyn-Jones 2015, 230.

¹⁹ Подробнее об имперской идеологии Ахеменидов, отражаемой в царских надписях, см. Sancisi-Weerdenburg 1993; Kuhrt 2010; Rung 2015a.

²⁰ О месте Дария в родословной Ахеменидов см. Waters 1996.

²¹ Слово *maθišta* (см. Rung, Orlov 2016) могло быть ассоциировано как с персидскими личными именами, встречающимися у Геродота (Масист: Hdt. VII. 82; 121; IX. 107–108; 110–113; Масистий: Hdt. VII. 79; IX. 20; 22; 24–25; 31), так и с определениями «величайший при царе» (μέγιστος) и «второй после царя», о чем говорит Плутарх (*Mor.* 173b–c; 488c–f) по отношению к Ариамену, которого он называет братом царя Ксеркса, полагая тем самым, что тот был назначен наиболее приближенным к царю. М. Санчес допускает возможность, что титул «величайший после царя» мог и не быть тождественным титулу «второй после царя»: последний же мог даваться тому представителю династии Ахеменидов, который проиграл спор за наследство (Sánchez 2014).

²² В версии надписи на аккадском языке вполне определенно говорится, что «когда Дарий отправился к судьбе» (т.е. умер естественной смертью), Ксеркс сменил своего отца на царском троне (de Blois 1995, 63).

²³ Kent 1933; Shahbazi 1993; Llewellyn-Jones 2013, 18. Согласно сообщению Геродота (VII. 1–4), у персов был обычай перед готовящимся походом назначать другого царя, и этим-то обычаем воспользовался Дарий, поставив царем Ксеркса перед предстоящим походом в Египет.

²⁴ Sánchez 2005, 229. Ряд рельефов (в тронном зале дворца Дария в Персеполе и так называемом «зале Совета») содержат изображения сидящего в царском одеянии Дария и стоящего за ним наследника престола Ксеркса: оба изображены практически идентично в том, что касается внешности, одеяния и короны (см. Root 1979, 91–94).

²⁵ Mayerhofer 1979.

стойко переносит военные опасности, награждает за преданность и наказывает за враждебность, что тело его сильно, руки и ноги искусны, что он хороший воин в битве, отличный лучник, всадник и копьеносец, и т.д. (XPI). По спортивному замечанию Э. Бриджес, то, что Ксеркс решил почти слово в слово воспроизвести концепцию царской власти своего отца в надписи, найденной вблизи Персеполя, демонстрирует его желание в качестве наследника на троне подчеркнуть преемственность с прошлым, а также свое место в династии, основанной его отцом. Кроме того, эта надпись также напоминает нам, что текст следует воспринимать не как индивидуальную характеристику конкретного монарха, но в большей степени как акцентирование внимания на индивидуальных качествах совершенного ахеменидского царя²⁶.

Еще один источник, свидетельствующий о саморепрезентации Ксеркса, – антидайковская надпись (XPh). В ней царь клянется в своей приверженности богам Ахурамазде и Арте, а также извещает о борьбе с теми, кто не почитает этих божеств. С точки зрения царя Ксеркса, эти его заявления о приверженности Ахурамазде, установившему закон (*dāta*) для всех людей, не должны были находиться в каком-либо противоречии с религиозными убеждениями его отца Дария, во всех своих надписях также утверждавшего о своем почитании Ахурамазды и получении от этого божества неизменной поддержки²⁷. В историографии свидетельство антидайковской надписи Ксеркса иногда воспринимают, напротив, как показатель отхода этого царя от политики религиозной терпимости, проводившейся его отцом Дарием I²⁸. Однако, очевидно, для Ксеркса такого противоречия просто не могло существовать: борьба с почитателями *дайвов*, а значит и не поклоняющимися Ахурамазде, была вполне естественным средством проведения им религиозной политики²⁹. Кроме того, Х. Санцизи-Веерденбург справедливо обратила внимание на смысловую связь антидайковской надписи Ксеркса с завершающими строками Бехистунской надписи (DB V. 14–38), где упоминаются походы Дария против эламитов и саков, которые, как это отмечается в самом тексте, были неверными и не почитали Ахурамазду³⁰. Итак, Дарий сам «сформировал» свой образ идеального царя, превознося себя в своих монументальных надписях как прекрасного правителя, военачальника и воина, а Ксеркс следовал этой традиции, установленной его отцом. Теперь обратимся к греческой репрезентации образов Дария и Ксеркса, представленной в драме Эсхила «Персы» и в «Истории» Геродота.

Если в случае с древнеперсидскими текстами образы персидских царей были сформированы ими самими в целях пропаганды, то в античной традиции мы имеем дело с их колоритными образами, в основе которых, конечно, лежали исторические прототипы, однако имеющие немного общего с ними: фактически эти «исторические образы» оказывались отчасти образами художественными,

²⁶ Bridges 2014, 83.

²⁷ Lincoln 2007, 45; 2008.

²⁸ Ahn 1992, 111–122; Shannon 2007, 84. Исторический контекст надписи не может быть точно установлен. В частности, невозможно определить ту страну, куда совершил поход Ксеркс для наказания тех, кто почитал дайлов, а также хронологию этого похода (об этой проблеме см. Briant 2002, 552). Р. Стоунман допускает, что это могли быть Вавилон или Греция, однако данный факт доказать невозможно (Stoneman 2015, 106–107).

²⁹ Bridges 2014, 92.

³⁰ Sancisi-Weerdenburg 1980, 16–17, 35; 2002, 581, 589.

новеллистическими, а не изображениями реальных исторических фигур³¹. Причем в античной традиции образ Дария скорее позитивный, чем негативный, и возникает вопрос, в какой степени этот образ был навеян официальной персидской пропагандой, известной грекам. Иным был образ Ксеркса, и, в отличие от образов этих царей, «созданных» царской пропагандой, в античной традиции налицо явное противопоставление Дария и Ксеркса. И дело здесь, вероятно, не только и не столько в самом факте вторжения Ксеркса в Грецию, масштабы которого затмили предпринимавшиеся Дарием попытки покорения греков (этого тоже отрицать нельзя), сколько в том, что греческие авторы хорошо знали о «счастливом» конце Дария, умершего в зените славы, и «несчастном» конце Ксеркса, преследуемого неудачами и в конечном итоге убитого в результате заговора с участием собственного сына.

Драма Эсхила «Персы» является первым произведением, целиком посвященным персидской тематике³², которое было создано после победы греков в войне с персами и в котором находит наиболее явно отражение греко-варварская поляризация³³. Основная идея этой трагедии, конечно же, – прославление побед греков, и в большей степени, именно афинян³⁴, сюжет же – события, связанные со знаменитым сражением при Саламине в 480 г. до н.э., а герой ее, точнее «антигерой», – персидский царь Ксеркс, потерпевший сокрушительное поражение в морской битве от греков во главе с афинянами³⁵. Однако, как это вполне очевидно при обращении к тексту трагедии, Эсхил в этом своем произведении пытается взглянуть на персидское общество глазами грека³⁶, хотя, конечно, следует запросам драматического жанра. Последнее нашло наиболее яркое выражение в присущей

³¹ См. Flower 2006, 278.

³² О специфике «исторической драмы» Эсхила см. Surikov 2011, 49–51. Насколько описание событий в «Персах» может быть соотнесено с историческими реалиями, известными из других источников, в частности, из труда Геродота, см. Harrison 2000.

³³ Большинство исследователей, обращавшихся к творчеству Эсхила полагают, что в этой трагедии впервые в греческой литературе обстоятельно представлена поляризация эллинов и варваров-персов (Goldhill 1988; Tuplin 1998, 134; Pelling 1997, 13–19; Kantzios 2004; Marinovich 2006, 14–15). С этой точкой зрения выражает несогласие И.Е. Суриков, по мнению которого, в «Персах» Эсхила греко-варварское противостояние намечено лишь эскизно (Surikov 2011, 267).

³⁴ Об афиноцентризме Эсхила см. Lattimore 1943, 91–93.

³⁵ По мнению Г. Меррея, персы изображались в драме в героическом духе; не было ненависти к ним, в особенности, «пропаганды войны» (Murray 1940, 127–128). Однако, как считает Э. Холл, «Персы» Эсхила, знаменующие победу над Персией, самое раннее свидетельство абсолютной поляризации эллина и варвара, которая появилась в определенный момент в греческой мысли в ответ на возрастание угрозы грекоязычному миру от огромной Персидской империи (Hall 1989, 57). Следуя концепции «ориентализма» (Said 2006), исследовательница видит в «Персах» Эсхила отражение идеи превосходства эллинов над варварами, а Греции над Азией, причем рассматривает это превосходство также и в соответствующих гендерных категориях: так, «маскулинная» Греция будто бы победила «фемининную» Азию (Hall 1993, 108 ff.).

³⁶ Й. Фогт в своей работе приводит аргументы в пользу эллинизированного образа персов в трагедии Эсхила (Vogt 1972). Однако П. Джорджс справедливо замечает, что в представлении Эсхила «персы не были греками, и в этой драме они не вели себя так, как если бы они были греками... напротив, “Персы” являются трагедией чистейшего варварского этоса, который мог только иметь место» (Georges 1994, 86).

трагедии «бинарной оппозиции»³⁷, проявляемой, в частности, и в противопоставлении «хорошего» царя Дария и «плохого» Ксеркса по следующим параметрам:

1. Дарий – старец (854: γηραιός); Ксеркс – юнец (782: παῖς νέος);
2. Дарий – богомудрый (654–655; θεομήστωρ); Ксеркс – глупец (733: μέλεος);
3. Дарий – самый счастливый из всех смертных (710: βροτῶν πάντων ὑπερσχὼν δλύον); Ксеркс – несчастный (720: τάλας);
4. Дарий – незлобивый (663: ἄγαχος); Ксеркс – неистовый (718, 754: θούριος), дерзкий по своей молодости (745: νέῳ θράσει), его обуяла гордыня – ὕβρις (808; 820–821; 827)³⁸.

Эсхил стремится выразить персидское восприятие Дария, когда устами ли самой царицы или хора персидских старцев заявляет, что этот царь принес победы, процветание и благополучие своей стране, правя в Сузах, не зная бед (554–557): «Он не губил в войнах людей, / Не посыпал их навстречу смерти, / Он, богомудрым царем слыша, / Был богомудр, ибо умел / Войском персидским разумно править» (652–656); «Жизнь счастливой, по добрым обычаям / Жили мы, свято законы державы чти, / В дни, когда правил / Всеми любимый, во всех побеждавший боях, / Богоподобный старец, Дарий кроткий. / Славой себя покрывали в походах мы, / Правопорядок повсюду, как башня, был / Нашим оплотом. / Без поражений, не зная ни бед, ни забот, / Домой мы приходили с поля битвы» (852–863)³⁹. Согласно Эсхилу, Дарий подчинил своей власти множество городов, лично сам не участвуя в походах (864–865: букв.: не переходя реку Галис – οὐ διαβὰς Ἀλυος ποταμοῖο)⁴⁰; мудро правил Фракией, городами Геллеспонта, Пропонтиды, греческими островами Эгейского моря и материковой Элладой (897–900: букв.: он властвовал в ионийском kraю богатыми и многолюдными городами греков – τὰς εὐχτεάνους κατὰ χλῆρον Ἰαόνιον πολυάνδρους Ἐλλάνων ἐκράτυνε⁴¹); имел в своем распоряжении неутомимое войско, готовое по приказу выступить в поход (864–906).

³⁷ См. Wiles 1999, 142–143. Подробнее об основных «полярных категориях» в «Персах» Эсхила см. Pelling 1997, 1–13; Lincoln 2000.

³⁸ В историографии дискутируется вопрос в отношении того, в чем видел Эсхил гордыню Ксеркса, которая и привела к поражению царя. По мнению Д. Конейчера, драматург (*Pers.* 762–764) считал, что своим переходом из Азии в Европу Ксеркс оскорбил Зевса, ибо нарушил его «закон» (Conacher 1974, 164). Согласно Э. Холл, Эсхил (*Pers.* 809–828) думал, что ὕβρις Ксеркса состояла в осквернении им греческих святынь (Hall 1996, ad 808). Л. Пападимитропулос полагает, что драматург видел ὕβρις Ксеркса в самих масштабах экспедиции в Грецию и в алчном стремлении этого царя достичь победы (Papadimitropoulos 2008). Между тем сам Эсхил, думается, склонен был усматривать проявление гордыни царя в тех его действиях, которыми он бросил вызов бессмертным богам: построив мост через Геллеспонт (*Pers.* 745–750, букв.: решил связать оковами, как раба священный Геллеспонт, божественный поток Боспора), Ксеркс разгневал богов и самого Посейдона, а своими свято-татственными действиями в Греции он навлек на себя кару Зевса (809–828).

³⁹ Здесь и далее «Персы» Эсхила цитируются в переводе С.К. Апта.

⁴⁰ Так, по представлению Геродота (I. 105; 107; 108; 192), вся Азия делилась на две части: нижнюю (κάτω: I. 72; 177) и верхнюю (ἄνω: I. 95; 103; IV. 1), границей которых считалась река Галис (I. 103). В тексте Эсхила река Галис выступает в качестве своего рода «фронтира», отделяющего внутренние районы Ахеменидской империи – земли Мидии, воспринимаемые как владения царя, от Лидии, соседней с греками (Dan 2013, 116–117).

⁴¹ Эсхил, подобно другим своим современникам, вероятно, предполагал, а может быть даже и знал, что Дарий включал в число своих подданных и греков Балканского полуострова (Rung 2012). Подобные мысли мы можем встретить в труде Геродота (Hdt. VII. 9).

В данном контексте не упоминаются военные неудачи Дария: скифский поход 514 г. до н.э., возглавлявшийся самим царем, экспедиция Мардонаия 492 г. или поражение персидских военачальников Датиса и Артаферна при Марафоне в 490 г. Хотя ссылка на Марафонскую битву и присутствует в тексте драмы (Pers. 474–475), она не имеет привязки к Дарию: это упоминание о намерении Ксеркса отомстить Афинам за поражение при Марафоне, и создается впечатление, что в глазах персов, как это видел великий драматург, поражение должно быть уделом только Ксеркса, а никак не Дария, только с Ксерксом оно должно было ассоциироваться. Все перечисленные события не укладывались бы в замысел Эсхила, нацеленный на представление Дария и Ксеркса как диаметрально противоположных персонажей своей трагедии⁴². Однако, изобразив Дария неким безупречным правителем, драматург тем самым невольно приблизился к тому образу этого царя, в каком тот представлял себя в текстах надписей от первого лица.

Эсхил, с одной стороны, ссылается на закон (*τιμή*), ниспосланный Зевсом, по которому исстари один лишь жезлоносный правитель должен был управлять Азией (762–764), а с другой, представляет персов счастливо живущими по законам (*πολισσούμου βιοτᾶς ἐπεχύρασεν*), установленным Дарием (852–857). Данное видение персидской традиции знаменитым драматургом, находящее выражение в противопоставлении божественной *τιμή* и человеческого *νόμος*, до некоторой степени соотносится с самой персидской традицией, по которой закон (*data*) – это установление Ахурамазды и все в мире, включая царя, подчиняется Ахурамазде (XPh 4), однако именно царь также служит источником закона для своих подданных (DB I. 23; DNa 21–22). Наряду с прославлением Дария как «богомудрого» царя (654–655), в тексте Эсхила дважды в пении Хора фигурирует восклижение: «приди, незлобивый Дарий-отец» (663; 671: *βάσησε πάτερ ἄκακε Δαριάν*), что, как это стремился показать автор трагедии, наиболее явственно свидетельствует о восприятии этого царя в самой Персии. Удивительно, но и здесь мы обнаруживаем перекличку с заявлением самого Дария о себе как о человеке не вспыльчивом и негневливом (DNb 5–15). Особенно интересным выглядит представление Эсхилом Дария как «повелителя лучников» (556: *τόξαρχος*), что в общем соответствует стереотипному представлению греков (и не только) об азиатах-персах как лучниках⁴³, однако в персидской надписи качества Дария как лучника фигурируют лишь наряду с его другими качествами – превосходного воина, всадника и копьеносца (DNb 31–41), хотя, например, на монетах-дариках и помещалось изображение персидского царя в виде лучника⁴⁴, а усадьбы, которые даровались в Персии за службу царю, по-видимому,

⁴² Как точно подметил Т. Харрисон, Эсхил преувеличивал достижения Дария для драматического контраста: Дарий служил контрастом для Ксеркса, он мудрый царь, тогда как Ксеркс – безрассудный царь (Harrison 2000, 85). Однако едва ли можно согласиться с дальнейшим предположением исследователя, которое выглядит весьма наивным, – будто, помимо драматического, у этого контраста было политическое объяснение: Эсхил акцентировал внимание на морской, поэтому «демократичной», битве при Саламине, по сравнению с гоплитской, «менее демократичной» битвой при Марафоне, тем самым оказывая поддержку Фемистоклу, а не Кимону, сыну Мильтииада.

⁴³ Westenholz 2000, 115–117, 123. О распространении лука и использовании лучников на войне в древней передней Азии см. Zutterman 2003, 119–165.

⁴⁴ Nimchuk 2002, 55–79.

назывались «именами лука»⁴⁵. И, наконец, в другом месте Эсхил заявляет, что Дарий большое богатство сыновьям добыл копьем (754–755: ἔνν αἰχμῇ). Упоминание в данном контексте копья весьма необычно, поскольку в тексте «Персов» прослеживается противопоставление копья (αἰχμή, λόγχη) и лука (τόξον) как оружия ведения боя греков и персов соответственно: персы называются «меткими стрелками из лука» (26; 30; 926: τοξοδάμαντες), «натягивающими лук» (56: τοξουλχοί); греки предпочитают держать в руках копье (239: αἰχμή), при Платеях совершают кровавое возлияние дорийским копьем (817: Δωρίδος λόγχη). Тем примечательнее упоминание о копье при отсылке на завоевания Дария в тексте Эсхила. Последнее хорошо соотносится с персидским материалом, прежде всего в том, что касается завоевания Дарием новых земель копьем – *aršti* (DNa 39–47). Однако все эти соответствия еще не свидетельствуют о знании Эсхилом царской идеологии, и потому любые совпадения с положениями, присутствующими в ахеменидских надписях, могут считаться довольно случайными. Великий драматург как участник греко-персидских войн в одних случаях, несомненно, обладал некоторой информацией о персах и Персии, но в других он воспроизводит стереотипное представление о врагах греков, которые были на слуху у всех⁴⁶.

В отличие от Дария, Ксеркс у Эсхила, по мнению персов, принес своей стране одни бедствия и страдания, и в одном из мест «Персов» контраст между двумя правителями наиболее очевиден (550–557): «Повел их за собою Ксеркс, / Их гибели виною Ксеркс, / Все это горе неразумный Ксеркс / Уголовил кораблям. / Почему, не зная бед, / Правил Дарий, древних Суз Повелитель дорогой, Славных лучников начальник?» Итак, Ксеркс представлен виновником гибели персидских воинов и кораблей: в сражении при Саламине (353–432), на о. Пситталия (447–471), при отступлении – от жажды и голода (δίψῃ τε λιπῷ) в Беотии (482) и Фессалии (489–491), во Фракии, во время переправы по скованному морозом льду через реку Струмона (494–508)⁴⁷; в итоге Персия лишилась мужчин, гибель которых оплакивают их матери и жены (532–547).

Цель похода Ксеркса Эсхил видит в намерении «наложить рабское ярмо на Элладу» (Pers. 50: ζυγὸς δούλις). Геродот словами самого Ксеркса указывает на то же «рабское ярмо» (Hdt. VII. 8: δούλιος ζυγός)⁴⁸. Вообще же, по справедливому замечанию М. Андерсона, периодически повторяющийся образ, значение

⁴⁵ Определение «именния лука» встречается в аккадской версии Бехистунской надписи, согласно которой Дарий заявляет (стк. 26): «Я возвратил войску табуны, стада и наемных рабочих, включая имения «лука» (É qa-šá-a-tú), которые Гаумата-маг взял от них» (§ 13; перевод с аккадского см. von Voigtlander 1978, 55). Параллельное место из Бехистунской надписи на древнеперсидском гласит: «Я возвратил народу имения, домашний скот, слуг и (вместе с ними) дома (*viθbiščā*), которых Гаумата-маг лишил их» (§ 14; DB I. 61–71; Schmitt 1991, 55).

⁴⁶ На эту особенность восприятия персов греками обратил внимание П. Джорджс: «С начала персидского правления в Ионии греки замечали публичные факты – то, что можно было увидеть и обсудить и что стало общезвестным. Но по большей части персы оставались *tabula rasa*, на которой греки нарисовали свой портрет, отвечающий целям их собственного воображения» (Georges 1994, 47–48).

⁴⁷ Считается, что эпизод с переправой по замерзшей реке Струмона был выдуман самим Эсхилом, однако объяснения этого разнятся (Lincoln 2000, 14–15).

⁴⁸ О метафоре ярма у Геродота см. Bridges 2014, 57–59.

которого в «Персах» давно было признано, — это метафора ярма (*ζυγός*)⁴⁹. Кроме названного примера (Pers. 50; 594), афинский драматург употребляет слово *ζυγός* в связи с упоминанием составленного из лодок моста, посредством которого Ксеркс соединил оба берега пролива Геллеспонт (72). Еще более выразительна метафора ярма в представлении драматургом так называемого «сна Атоссы»: Ксеркс поместил под ярмо (*ὑπὸ ζεύγνυσιν*) и впряжен в одну колесницу женщин, олицетворявших Элладу и Азию, которые до того были в распре (*στάσις*); одна из женщин, Азия, послушно согласилась находиться под яром, другая же, Эллада, сбросила упряжь и сломала ярмо (181–197).

Представляется Ксеркс и причиной возмездия греков, которое настигнет персов в битве при Платеях (817) и послужит для них предзнаменованием и на будущее (818: *καὶ τριτοστόρῳ γονῇ* — букв.: вплоть до третьего колена). Первым из античных авторов Эсхил изображает Ксеркса в качестве святотатца, посягнувшего на греческие святыни (Pers. 807–819): «Кто, в Грецию явившись, позволял себе / Кумиры красть святыне или храмы жечь (809–810: *οὐ θεῶν βρέτη ἥδοῦντο συλλᾶν οὐδὲ πιμπράναι νεώς*). / До основанья алтари разрушены, / С подножий сбиты и разбиты статуи» (811–812: *βωμοὶ δ' ἄιστοι, δαμόνων θ' ἵδρυματα πρόρριξα φύρδην ἐξανέστραπται βάθρων*)⁵⁰. И, наконец, дает понять Эсхил, приближенные Ксеркса, побуждавшие царя к походу против Эллады, обвиняли его в трусости (755: *ἀνανδρίᾳ*), сравнивая с Дарием.

Однако было и то, что в представлении Эсхила сближало Дария и Ксеркса⁵¹. Драматург представляет обоих персидских царей как абсолютных властителей, описывая их статус при помощи определений *ἄναξ* ‘владыка’ (5; 762; 787), *ποιμάνωρ* ‘пастырь’ (241), *δεσπότης* ‘господин’ (666; 1049), *βασιλεὺς* ‘царь’ (5; 8; 58; 66; 234; 629; 634) и *βασιλεὺς μέγας* ‘великий царь’ (24). Оба эти царя именуются богами (157: царица называется супругой бога персов и матерью бога — *θεοῦ μὲν εὐնάτειρα Περσῶν*, *θεοῦ δὲ καὶ μήτηρ ἔφυς*) или же «богоподобными» — *ἰσόθεοι* (80; 856)⁵². Ксеркс представляется «неистовым властителем многолюдной Азии» (73: *πολυάνδρου δ' Ἀσίας θούριος ἄρχων*), богоподобным человеком, принадлежащим к златорожденному роду (79–80: *χρυσογόνου γενεᾶς ἰσόθεος φώς*), а его отец характеризуется как «старец, всемогущий, незлобивый, непобедимый царь, богоподобный Дарий» (854–857: *ὁ γηραιὸς πανταρχὴς ἀκάκας ἀμαχος βασιλεὺς ἰσόθεος Δαρεῖος*). Даже представляя Дария и Ксеркса в равном «сакральном» статусе, Эсхил не скучится на эпитеты, которыми он награждает Дария, и очень немногословен при аналогичной характеристике, даваемой

⁴⁹ Anderson 1972, 167; cf. Clifton 1963, 114.

⁵⁰ О разрушении греческих храмов персами в связи с греческой пропагандой см. Rung 2016a. В более широком контексте о практике сожжения храмов в древней Греции, в том числе и персами, см. Miles 2014, 111–145.

⁵¹ Н.Ф. Дератани замечает, что влагая оценку Дария в уста персов, Эсхил затушевывает то, что Дарий по существу такой же персидский деспот, как и его сын Ксеркс (Deratani 1946, 15). Однако различие между двумя царями, по мнению драматурга, проявляли не в характере власти их обоих, а в их конкретной деятельности.

⁵² Древнегреческие авторы определенно свидетельствовали в пользу того, что персы либо непосредственно считали своего царя богом, либо же представляли его богоподобным (см. также: Hdt. VII. 56; [Arist]. *De mundo*. 398a; Plut. *Them.* 27). Однако древнеперсидские тексты в определении сакрального статуса Великих царей не столь категоричны, как античные источники (о проблеме в целом см. Rung 2016b).

Ксерксу, называя его только «неистовым властителем» и ограничиваясь указанием на его происхождение от эпонимного для персов героя Персея⁵³.

В основе «Истории» Геродота лежит описание греко-персидского конфликта, о чем он сам недвусмысленно заявляет в своем «введении» (Hdt. Praef.). Подходы же «отца истории» к изображению персов получают в современной историографии далеко не однозначную оценку. Мнения исследователей значительно разнятся, от заявлений, что Геродот вообще был свободен от всякой предосудительности и чувства эллинского превосходства над варварами⁵⁴, и до утверждения, что тема «ущербности» персов по сравнению с греками вполне очевидна и проходит через весь его труд⁵⁵. Таким образом, героями повествования «отца истории» являются и Дарий и Ксеркс, и каждому из них он уделяет в своем труде значительное место. Однако, в отличие от Эсхила, Геродот уже редко непосредственно противопоставляет этих двух персидских монархов, да и сами они также сравниваются друг с другом совсем нечасто. По сути дела, налицо только несколько примеров прямого их сопоставления, но и они выглядят далеко не в пользу Ксеркса⁵⁶.

Рассмотрим первый пример. «Отец истории» рассказывает, что в Вавилоне Дарий увидел великолепную статую из чистого золота (Бела-Мардука?), но не дерзнул захватить ее (ἐπιβουλεύας οὐκ ἐτόλμησε λαβεῖν). Ксеркс же взял статую (ἔλαβε) и умертвил жреца, который запрещал сдвигать ее с места (Hdt. I. 183)⁵⁷. Геродот здесь был первым, если не зачинателем античной традиции, представленной у целого ряда более поздних авторов, которые создают образ Ксеркса – святотатца и «разрушителя» вавилонских святынь: так, в числе прочего, Ксеркс разрушил гробницу Бела (Strab. XVI. 1. 5) или храмы, в том числе храм Бела, восстановить

⁵³ Garvie 2009, 74–76 (ad 79–80).

⁵⁴ В отечественной историографии подобную точку зрения последовательно отстаивал С.Я. Лурье (Lur'e 1947, 32–98). Имеет она сторонников и за рубежом. По словам Дж. Уэллса, «свобода от национальных предрассудков проявляется в благоприятных оценках персов», и «Геродот свободен от обычной греческой концепции варварства» (How, Wells 1912, 1, 37–38). Санцизи-Веерденбург считает, что хотя персы у Геродота – «другие», они не «низшие» (*inferior*), как в изображении более поздних греческих историков V–IV вв. до н.э. (Sancisi-Weerdenburg 1987, 44). Согласно мнению Б. Айзака, «Геродот не выражает каких-либо антивосточных чувств, никогда не заходит так далеко, как более поздние авторы, в противопоставлении греков и других» (Isaac 2004, 263).

⁵⁵ По мнению И.Е. Сурикова, греко-варварское противостояние, только намеченное Эсхилом, Геродот разворачивает в широкую, многогранную картину, которая становится главным содержанием его фундаментального труда (Surikov 2011, 267). Ф. Артог акцентирует внимание на изображение Геродотом военного превосходства греков над персами (Hartog 2009, 44–46). М. Флауэр приходит к выводу, что Геродот вполне осознавал греко-варварскую дилемму, но она еще не абсолютна; изображение им народов имеет свои нюансы (Flower, Marincola 2002, 37–39).

⁵⁶ С. Сайд, например, считает, что Дарий в «Истории» Геродота далек от того, чтобы быть мудрым царем и антиподом (*polar opposition*) своему сыну, и скорее подобен ему (Saïd 2002, 145). Однако очевидно, что в ряде случаев в труде «отца истории» противопоставление одного другому имеет место.

⁵⁷ С.М. Шервин-Уайт и А. Курт пришли к выводу, что Ксеркс не похищал статуи Бела-Мардука из храма в Вавилоне, а «отец истории» говорит здесь о какой-то другой статуе, взятой персидским царем (Kuhrt, Sherwin-White 1987, 69–72). В этой статье авторы еще не опровергают образ Ксеркса как похитителя статуи из вавилонского храма, как он вырисовывается из текста Геродота.

которые вавилонянам приказал Александр Македонский (Arr. Anab. III. 16. 4; VII. 17. 1–3). Между тем В. Хенкельман, А. Курт, Р. Роллингер и Й. Визехёфер, ссылаясь на аргументы в пользу того, что Ксеркс не похищал статуи Бела-Мардука, опровергают и всю эту античную традицию. Эти исследователи, во-первых, ссылаются на сообщения других античных авторов, которые говорят, что Ксеркс посетил гробницу Бела и даже вскрыл ее (Ctes. FGrHist. 688. F. 13 § 26; Aelian. VH. XIII. 3), а отнюдь не о ее разрушении, а во-вторых, считают, что сообщения о святотатствах Ксеркса отражают позицию вавилонского жречества, враждебную этому царю⁵⁸. Принимая эту точку зрения, Курт в другой своей статье даже заявляет: «Пока нет и никогда не было никаких доказательств в отношении разрушения вавилонских храмов и культов Ксерксом (или персами) помимо этого неоднозначного сообщения, так что мы теперь имеем больше материала, который позволяет нам начать конструктивную переоценку его правления как периода глубоких перемен, характеризующихся значительным ужесточением контроля Ахеменидов над территориями своей империи. Ксеркс все более и более предстает одним из наиболее важных создателей стабильной и успешной Персидской империи»⁵⁹. Курт также цитирует сообщение Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» (XI. 5. 1), которое, казалось бы, идет разрез с устойчивой традицией противопоставления Дария и Ксеркса, а более соответствует образу царя, представленному в древнеперсидских надписях, что один следовал политическому курсу другого: «После того как Дарий умер, его сын Ксеркс перенял царскую власть; последний унаследовал его благочестие и уважение к Богу. Он следовал отцу своему в богопочитании и был очень расположен к иудеям». Однако возникает следующий вопрос: следует ли этот образ Ксеркса, сложившийся в рамках иудейской традиции, считать более объективным чем тот, который возник об этом царе в античной традиции? По крайней мере свидетельство Иосифа Флавия показывает, что презентация Ксеркса в различных культурно-исторических традициях была неоднозначной, однако восприятие его греками, как это демонстрируют Эсхил и Геродот, не было позитивным.

Обратимся ко второму примеру противопоставления Дария и Ксеркса. Кратко сообщая об экспедиции Ксеркса против мятежников, которая последовала сразу за вступлением того на престол, Геродот резюмирует, что весь Египет оказался во много более тяжелом рабстве, чем был при Дарии (Hdt. VII. 7: Αὕτη τον πάσαν πολλὸν δουλοτέρην ποιήσας ἡ ἐπὶ Δαρείου ἦν). Несомненно, данное сообщение является отголоском некой египетской традиции благоприятного восприятия царя Дария и враждебного – царя Ксеркса, которой следует и «отец истории» (однако наиболее значимой в этой связи является информация Диодора Сицилийского, в частности представляющего Дария как благочестивого царя с точки зрения египтян и великого законодателя Египта: Diod. I. 95. 5)⁶⁰. Собственно говоря, и Геродот также ранее пересказывает историю о том, что Дарий попытался поместить свою статую в мемфисский храм, но вынужден был подчиниться запрету жреца (Hdt. I. 110).

Таким образом, по мнению Геродота, Ксеркс отличался от своего отца Дария прежде всего своим отношением к религии. В этом вопросе «отец истории» сходится с Эсхилом, обращая внимание, во-первых, на «нечестивое» поведение царя при переправе войска через Геллеспонт, а во-вторых, на систематическое

⁵⁸ Henkelman *et al.* 2011, 451–461.

⁵⁹ Kuhrt 2014, 169.

⁶⁰ Подробнее о восприятии Дария в Египте см. Ladynin 2011, 11–12 (исследователь привлекает и египетские источники, свидетельствующие об отношении египтян к Дарию).

сожжение и разграбление им греческих храмов. Эсхил подчеркивает «нечестие» Ксеркса, граничащее с безумием (*Pers.* 750: νόσος φρενῶν) в эпизоде у Геллеспонта: царь обуздал пролив ярмом (72: ζυγὸν ἀμφιβαλῶν αὐχένι πόντου – букв.: набросил ярмо на горло понта), наложил на него, как на строптивого раба, железные оковы (747: πέδαις σφυροτάτοις), тем самым намереваясь одолеть Посейдона⁶¹. Согласно же Геродоту, Ксеркс объявил о намерении, «связав» Геллеспонт мостом (*Hdt.* VII. 8. 10: ζεύξας τὸν Ἑλλήσποντον), повести войско в Элладу, и в этом он сравнивается с его отцом Дарием, который «связал» мостом Босфор Фракийской (*ζεύξας Βόσπορον τὸν Θρηίκιον*) во время похода против скифов (*VII. 23*). Далее следует хрестоматийный сюжет о том, как Ксеркс «выsek море», затем приказал погрузить в море оковы (*πεδέων ζεῦγος*), заклеймить воды клеймом, говоря при этом варварские и нечестивые слова (*λέγειν βάρβαρά τε καὶ ἀτάσθαλα*), а также казнить тех, кто надзирал за ходом прежних строительных работ (*Hdt. VII. 35*). Что касается святотатства по отношению к греческим святилищам, то Геродот (*VI. 19; 32; VIII. 33; 140; 143–144; IX. 13*), как и Эсхил (*Pers. 807–819*), также признает это, однако, в отличие от драматурга, считает его лишь актом возмездия со стороны как Дария, так и Ксеркса за сожжение греками святилища богини Кибелы в Сардах во время Ионийского восстания (*Hdt. V. 102; VI. 101*). Так что историк все же сни- маает часть ответственности с Ксеркса за его действия в Греции, которые так или иначе непосредственно затрагивали эллинскую религию⁶², но обращает внимание на большую значимость для греков, в частности, для афинян, этого святотатства персидского царя (*VIII. 144*). Однако, с одной стороны, неоднократное упомина- ние Геродотом об осквернении Ксерксов тела Леонида, героически погибшего при Фермопилах (*VII. 238; VIII. 141; IX. 64; 78–79*), а с другой – об отказе Павсания таким же образом поступить с телом Мардония, убитого при Платеях (*IX. 78–79*), проводит некую этическую грань между поведением варвара и эллина, что явно способствует негативному восприятию персидского царя читателями «Истории».

Свое отношение к обоим царям Геродот проявляет еще по одному поводу, при объяснении значения имени каждого из них (*VI. 98*)⁶³: «На эллинском язы- ке имена персидских царей означают вот что: Дарий – деятельный, Ксеркс – воин, Артоксеркс – великий воин (*Δαρεῖος ἐρείης, Ξέρεης ἀρέιος, Ἀρτοξέρεης μέγας ἀρέιος*), и мы могли бы совершенно правильно этих царей так и называть на нашем языке»⁶⁴. Так что «отец истории» в случае с царем Ксерксом особо

⁶¹ А. Дан рассматривает греческое и персидское отношение к «обузданию» Геллеспонта. Она доказывает, что, если для греков «наказание Боспора» было оскорблением божества, то для персов, напротив, это было обузданием злого демона, который попытался помешать Ксерксу в завоевании мира (Dan 2015, 191–235).

⁶² Funke 2007; Rung 2016a, 171.

⁶³ Здесь и далее «История» Геродота цитируется в переводе Г.А. Стратановского (в ряде случаев с нашей корректировкой).

⁶⁴ Слово ἐρείης редко употребляется в греческом языке, однако Et. Mag.s.v. ἐρείης дает интерпретацию этого слова как ὁ πραγτικός. Еще в начале XX в. А.Б. Кука в небольшой заметке сделал привлекательное предположение, что на самом деле в тексте Геродота соответствие между именами персидских царей и греческими словами, воспринима- емыми как их эквиваленты, должно было быть изначально иным. Так, ἀρέιος должно было относиться к Δαρεῖος, ἐρείης – к Ξέρεης, а κάρτα («очень» – более подходящее сло- во, чем μέγας) ἐρείης – к Ἀρτοξέρεης. Одним из аргументов был такой: почему Геродот должен был использовать очень редкое слово ἐρείης, если только он не хотел сделать это для установления очевидной этимологии имени Ксеркса (Cook 1907, 169)? Несмотря на

подчеркивает военный аспект его деятельности, хотя понятно также, что Геродот ошибался при интерпретации значения имен⁶⁵.

Не прибегая более к прямому сопоставлению Дария и Ксеркса, может быть, «отец истории» дает своему читателю возможность сравнить их? Для поиска ответа на этот вопрос обратимся к характеристике, которую Геродот дает обоим монархам, однако в данном случае она уже не столь очевидна, как в случае с Эсхилом, поскольку историк, в отличие от драматурга, избегает употреблять по отношению к ним различные эпитеты. Во всяком случае единственный пример использования «отцом истории» такого рода эпитетов – это его упоминание о прозвищах, которые, по словам историка, были даны трем первым царям в Персии: Дарий – торгаш, Камбис – владыка, Кир – отец (*Δαρεῖος μὲν ἦν κάπτηλος, Καμβύσης δὲ δεσπότης, Κῦρος δὲ πατήρ* – Hdt. III. 89). Очевидно, употребление Геродотом по отношению к Дарию эпитета *κάπτηλος* преследовало ту же цель, что и перевод его имени как *ἐρξίης*: в обоих случаях историк стремится обратить внимание читателя не на военную деятельность этого царя (и здесь Дарий контрастирует с Ксерксом), а на его политику по обустройству государства, заявляя, что «он все дела вел по-торгашески» – *ὅ μὲν ὅτι ἐκαπτήλευε πάντα τὰ πρήγματα*⁶⁶. Хотя слово *κάπτηλος* по отношению к правителью огромной и могущественной империи выглядит несколько неуместным и даже пренебрежительным⁶⁷, замысел Геродота состоял, видимо, в том, чтобы употреблением фразы *λέγουσι Πέρσαι* в этом контексте обратить внимание читателя на восприятие царя персами⁶⁸.

всю остроумность этой гипотезы, она, на наш взгляд, противоречит восприятию греками (в том числе и Геродотом) Дария как «устроителя» империи, а Ксеркса как более воинственного царя (о других, чисто лингвистических трудностях столь существенной корректировки текста Геродота см. Harrison 1998, 35). Альтернативный вариант слова, которым Геродот переводит имя Дария, предложил Л. Скотт в своих комментариях к VI книге труда Геродота – **ἔξίης*, производный от глагола *ἔχω*, что означает «обладатель» (исследователь определенно стремился таким образом приблизить Геродотову этимологию имени Дария к истинной этимологии имени, основанной на древнеперсидском прочтении: Scott 2005, 349).

⁶⁵ В данной работе принимается этимология имен персидских царей, представленная в статьях Р. Шмитта в многотомном издании *«Encyclopædia Iranica»* (однако в литературе можно встретить и отличающиеся в большей или меньшей степени этимологии имен). Имя «Дарий» (др.-перс. *Dārayavaus*) выводится из сочетания двух др.-перс. слов: *dāraya-* ‘владеющий’ и прилагательного *vau-* ‘добрый’; следовательно, имя должно означать: «владеющий добром» (Schmitt 1994, 40). Имена «Ксеркс» и «Артаксеркс» в древнеперсидском написании не имеют общего корня. Имя «Ксеркс» (др.-перс. *Xšayārša*) – также композит, который мог состоять из двух слов *xšaya-* ‘правящий’ и **išan-* ‘герой’; переводится как «правящий над героями» (Schmitt 2011), а имя «Артаксеркс» (др.-перс. *Artaxšaça*) как « тот, кто царствует по справедливости» (Schmitt 1986).

⁶⁶ На это обстоятельство обращает свое внимание К. Таплин, который убедительно показывает, что описание Дария как *κάπτηλος* служит отрицанию его статуса как военного предводителя или завоевателя (Tuplin 1997, 379).

⁶⁷ К. Таплин также справедливо замечает, что в представлении греков *καπτῆλοι* являются абсолютно порочными людьми, и даже когда *καπτῆλεία* не осуждается как аморальная, ассоциации, связанные с ней, всегда уничтожительны и не соответствуют образу традиционного ближневосточного царя (Tuplin 1997, 379–381).

⁶⁸ О первоначальном значении слова *κάπτηλος* и о связи его с чеканкой монет и экономикой, основанной на денежном обращении см. Descat 1994.

Л. Кёрк полагает, что, употребив слово *κάπηλος*, пришедшее в древнегреческий язык из Лидии, применительно к Дарию, Геродот намекает на его стремление получить выгоду из всего, а кроме того, имплицитно наделяет его качествами, присущими мелкому торговцу: ловкость, предприимчивость, плутовство. По мнению исследовательницы, ряд эпизодов из жизни этого монарха, рассказанных «отцом истории» (Hdt. I. 187; III. 39. 1–3; 71. 5; 72. 3–5; 85. 3–87), подтверждает данную характеристику⁶⁹. Если согласиться с такой интерпретацией слова *κάπηλος*, то обнаруживается, правда, в несколько скрытом виде, личное отношение Геродота к Дарию как человеку хитрому, даже вероломному. Понятно, что тот, кто не был рожден царем, а приобрел трон и удержался на нем во многом в силу личных заслуг, должен был быть предприимчивым во всем. Напротив, Ксеркс, который был рожден уже в царствование своего отца (VII. 3), очевидно, возымел иные личные качества, в числе которых Геродот отмечает, например, надменность (VII. 24: *μεγαλοφροσύνη*).

Итак, какие же аспекты деятельности, которые обнаруживаются в результате прочтения труда Геродота, характеризуют Дария и Ксеркса? В первую очередь отметим, что между этими правителями заметны черты не только различия, но также и сходства, однако при этом каждый из них имеет в описании Геродота свои нюансы. Обозначим эти сходные черты, которые, хотя и могут иметь случайные параллели с данными древнеперсидских источников, однако не могут как-то непосредственно свидетельствовать о воспроизведении историком на страницах его труда персидской царской идеологии, а скорее (как и в случае с «Персами» Эсхила) являются представлениями самого историка о поведенческих стереотипах монархов династии Ахеменидов.

Геродот заявляет словами самого Ксеркса о его стремлении следовать политике Дария I (VII. 8: «я вовсе не собираюсь вводить ничего нового, но буду следовать лишь старому обычая»), что, в свою очередь, перекликается с надписями Ксеркса, в которых тот подчеркивал свое стремление продолжать дело своего отца (XPa 11–17; XPs 9–15; XPr 27–43; XPg; XSa; XSd; XVa). Неоднократно историк говорит и о могуществе (*δύναμις*) как Дария, так и Ксеркса. Свой рассказ о воцарении Дария Геродот завершает словами, что его могущество было беспредельно (III. 88: *δυνάμις τε πάντα οἱ ἐπιπλέοτο*), а перечисление народов, собранных Ксерксом для похода против Греции, заканчивает замечанием, что из стольких мириад людей не было ни одного по красоте и статному телосложению более достойного обладать таким могуществом, чем сам Ксеркс (VII. 187: *κάλλεος τε εἴνεκα καὶ μεγάθεος οὐδεὶς αὐτῶν ἀξιονικότερος ἦν αὐτοῦ Ξέρξεω ἔχειν τοῦτο τὸ κράτος*), и в этих словах историк не скрывает своего восхищения персидским правителем⁷⁰. О мощи Ксеркса «отец истории» говорит также со ссылкой на самого царя, приказавшего прорыть канал через Афон в самом начале своего вторжения в Грецию: «Он желал показать свое могущество и оставить о себе памятник» (*ἐθέλων τε δύναμιν ἀποδείκνυσθαι καὶ μνημόσυνα λιπέσθαι – VII. 24*). Указание на могущество Ксеркса выступает также аргументом в пользу заключения договора афинян с царем со стороны македонского царя Александра I, направленного Мардонием в качестве посла в Афины после поражения персов при Саламине: «Ведь мощь царя превышает человеческую, и рука у него очень длинная» (*καὶ γὰρ δύναμις ὑπὲρ ἄνθρωπον ἡ βασιλέος ἔστι καὶ χείρ ὑπεριήγης – VIII.*

⁶⁹ Kurke 1999, 65–100.

⁷⁰ Харрисон признает такое замечание Геродота удивительным и объясняет это представлением историка о Ксерксе как «героическом идеале совершенства среди персов» (Harrison 2002, 566).

140)⁷¹. Впрочем, сам Геродот избегает сравнения Дария с божеством, которое присутствует в «Персах» Эсхила, и с иронией относится к такому сравнению Ксеркса, единожды встречающемуся в его труде: когда сам Ксеркс уже переправился через Геллеспонт, какой-то геллеспонтиец обратился к нему: «Зевс! Почему ты в облике перса, приняв имя Ксеркса, желаешь опустошить Элладу и ведешь с собой полчища всего мира? Ведь это ты мог бы совершить и без них» (VII. 56)⁷².

В описании Геродота Дарий и Ксеркс предстают суровыми в наказаниях и щедрыми в наградах, что в целом соответствует тому, что эти монархи заявляли о себе в своих надписях: для правдивого человека они провозглашали себя его друзьями, а для несправедливого и лжеца – недругами (DNb; XPI). Наказаниям подвергались жители городов, обвиненные в мятеже против царя и помощи восставшим: пленные милетяне поселены на берегу Эритрейского моря (Hdt. VI. 19), а пленные эритрецы – в области Киссия (VI. 119). Среди жестоко наказанных были также и частные лица, вызвавшие гнев царя. Дарий казнил всех трех сыновей перса Эобаза за то, что последний попросил освободить от участия в походе в Скифию хотя бы одного из них (IV. 84), а Ксеркс казнил самым жестоким образом старшего сына лидийца Пифия, просившего царя освободить этого сына от участия в походе в Грецию (VII. 38). Но цари могли быть и милостивыми. В ответ на увещевания жены Интаферна Дарий согласился помиловать ее саму и одного из членов ее семьи, обвиненных в заговоре против царя (III. 119). Ксеркс же отказался мстить Сперфию и Булису, направленным спартанцами в Сузы во искупление за смерть убитых в Спарте персидских глашатаев, сославшись на свое великолдушие (*μεγαλοφροσύνη* – VII. 135), а затем освободил попавших в плен к персам греческих соглядатаев (VII. 146). О щедрости обоих персидских царей Геродот также сообщает неоднократно⁷³. Награду получали как жители городов в целом (VII. 117), так и наиболее ревностные из числа подданных, оказавших важные услуги царю: награды предоставлялись в виде денег⁷⁴, городов и территорий (III. 140; V. 11; 94; VI. 70; VIII. 136), дома и жены-персиянки (VI. 39), командования войском (IX. 109), почетных титулов (III. 140; VIII. 85).

Вообще же образы Дария и Ксеркса в представлении Геродота выглядят более объективными, чем в изображении Эсхила. По крайней мере «отец

⁷¹ По мнению Харрисона, прозвище «длиннорукий» (*μαχρόχειρ*), которое у различных античных авторов относится либо к Дарию или Ксерксу (*Pollux. 2. 151*), либо же к Артаксерксу I (*Plut. Artax. 1. 1; Mor. 173 d*) и происходит от физического недостатка царя, на самом деле берет начало от неверно понятого заявления Александра в Афинах, что у царя Ксеркса *χείρ ὑπερομήκης* – «рука очень длинная» (Harrison 2011, 65–66).

⁷² Ироническое высказывание софиста Горгия из Леонтии о Ксерксе как персидском Зевсе (или Зевсе персов) (Longin. *De Sublim.* 3.2: Ξέρξης ὁ τῶν Περσῶν Ζεύς) может быть парафразой приведенного Геродотом пассажа, где Ксеркс сравнивается с Зевсом (Hdt. VII. 56).

⁷³ В основе взаимоотношений царя с его подданными в Персидской державе лежал традиционный обычай дарообмена, причем действовал принцип неравноценного обмена дарами и услугами: подарки и услуги кого-либо царю заметно уступали тем, которые он получал взамен от царя (см. Sancisi-Weerdenburg 1989, 140–141; Mitchell 1997, 111–113). Традиционным выражением дароприношения был обычай преподнесения земли и воды; сами же эти «дары» олицетворяли «страну», которая после их предоставления символически передавалась царю Персии (Orlin 1976; Kuhrt 1988; Rung 2015b).

⁷⁴ Геродот упоминает об одном экстравагантном случае дара: Дарий наградил врача Демокеда за свое исцеление тем, что каждая женщина гарема одарила его чашей золота, что, как признает «отец истории», было весьма щедрым даром (Hdt. III. 130: δασφιλής δωρεέη).

истории» сумел сделать образы этих царей более многоплановыми, избежать излишней идеализации одного и «демонизации» другого, хотя, конечно, в его труде эти образы все еще являются собой идеологические конструкты, на которые накладывала отпечаток как эпоха, так и мировоззрение самого Геродота.

В заключение нашего исследования подведем некоторые итоги и сформулируем основные выводы. Замысел его состоял в рассмотрении восточного и античного восприятия образов Дария и Ксеркса (первое – в виде саморепрезентации, поскольку образы этих царей, выступающие из древнеперсидских надписей, были творением их самих же, а второе – репрезентация их авторами, близкими по времени к «созданию» их образов на Востоке) с целью их сравнения друг с другом. В этой связи следует обратить внимание на ряд обстоятельств. Прежде всего, в собственном восприятии Дарий и Ксеркс были равновеликими, а кроме того, один подобен другому. В античной традиции, представленной современниками – Эсхилом и Геродотом, образы этих царей разнятся. Причем если в трагедии Эсхила противопоставление Дария и Ксеркса явно выражено, что объясняется главным образом закономерностями драматического жанра, то в труде Геродота оно, хотя и имеет место, все же прослеживается не так явственно. Тем не менее при наличии общих черт, сближающих этих двух монархов, образ Ксеркса у Геродота в основном более предосудительный, чем образ Дария: последний все же далек от образа идеального монарха, каким он изображается в драме Эсхила.

Обращаясь к репрезентации персидских царей Эсхилом и Геродотом можно обнаружить, что оба автора представляют Дария в большей степени администратором, нежели военачальником, каковым безусловно был Ксеркс. И далеко не случайно, что уже в рамках древнеримской традиции именно интерес к событиям греко-персидских войн также обусловил обращение к образам Дария и Ксеркса⁷⁵. А уже под влиянием античной традиции образы этих двух персидских царей, связанные с событиями греко-персидских войн, формировались в европейской культуре в последующие эпохи, став объектами рецепции в новое и новейшее время⁷⁶.

---

⁷⁵ Во-первых, римских авторов интересовали прежде всего почерпнутые из «Истории» Геродота темы, например, сюжет о строительстве Ксерксов моста через Геллеспонт. Во-вторых, в ряде случаев также в представлении римлян имена Дария и Ксеркса символизировали неслыханное богатство. И, в-третьих, в прагматических и идеологических целях топос греко-персидских войн увязывался с собственно римской внешней политикой в отношении Парфии и Сасанидского Ирана (Makhlayuk 2012; Makhlayuk 2015).

⁷⁶ Рецепция исторического прошлого предстает как способ актуализации, интерпретации и репрезентации в виде социальных представлений исторического опыта, исторической традиции и национальной мифологии в современном обществе (Chiglintsev 2015, 177). О рецепции Персии в культуре последующих веков см. Allen 2007; Harrison 2008; Grogan 2014. Рецепция же образов персидских царей Дария и Ксеркса более всего представлена в следующих областях европейской культуры нового и новейшего времени: драматургии (Loloi 2010), оперном искусстве (Kimbell 2007), поэзии, философии (Usmanov 2003), и, наконец, в кинематографе (Levene 2007). «Персы» Эсхила и «История» Геродота служили основными источниками для последующей рецепции образов обоих персидских царей, когда последние адаптировались различными авторами

Литература / References

- Abbott, J. 1850: *The History of Darius the Great*. New York.
- Abbott, J. 1854: *The History of Xerxes the Great*. London.
- Ahn, G. 1992: *Religiöse Herrscherlegitimation im achämenidischen Iran*. Leiden—Louvan.
- Allen, L. 2007: Chilminar olim Persepolis: European reception of a Persian ruin. In: C.J. Tuplin (ed.), *Persian Responses: Political and Cultural Interaction with(in) the Persian Empire*. Swansea, 313–342.
- Anderson, M. 1972: The imagery of the Persians. *Greece and Rome* 19, 166–174.
- Bigwood, J.M. 1978: Ctesias as historian of the Persian Wars. *Phoenix* 32, 19–41.
- Blois, F. de 1995: «Place» and «throne» in Persian. *Iran* 33, 61–65.
- Boedeker, D., Sider, D. (eds) 2001: *The New Simonides: Contexts of Praise and Desire*. Oxford.
- Briant, P. 1992: *Darius, les Perses et l'Empire*. Paris.
- Briant, P. 2002. *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake (IN).
- Bridges, E. 2014: *Imagining Xerxes. Ancient Perspectives on a Persian King*. London—New Delhi—New York—Sidney.
- Chiglintsev, E.A. 2015: Reception of the Icarus myth in the mass art of the late 20th–21st century. In: *Terra Sebus. Acta Musei Sabesiensis. Special Issue 2014. Russian studies. From the early Middle Ages to the present day*. Sebeş—Alba, 177–186.
- Clifton, G. 1963: The mood of the ‘Persai’ of Aeschylus. *Greece and Rome* 10, 111–117.
- Conacher, D.J. 1974: Aeschylus’ *Persae*: a literary commentary. In: J.L. Heller (ed.), *Serta Turyniana: Studies in Greek Literature and Palaeography in Honor of Alexander Tutyń*. Urbana, 143–168.
- Cook, A.B. 1907: *Nomen Omen. Classical Review* 21, 169.
- Dan, A. 2013: Achaemenid world representations in Herodotus’ *Histories*: some geographic examples of cultural translation. In: K. Geus, E. Irwin, T. Poiss (eds), *Herodots Wege des Erzählens. Logos und Topos in den Historie*. Frankfurt am Main, 83–121.
- Dan, A. 2015: Grecs et Perses sur les Détroits: le démon enchaîné et la démesure du Grand Roi. *Ancient West and East* 14, 191–235.
- Deratani, N.F. 1946: [Aeschylus and Greco-Persian war]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 9–19.
- Дератани, Н.Ф. Эсхил и греко-персидская война. *ВДИ* 1, 9–19.
- Descat, R. 1994: Darius, le roi «kapelos». In: H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt, M.C. Root (eds), *Achaemenid history. Vol. 6: Continuity and Change. Proceedings of the Last Achaemenid History Workshop, Ann Arbor, April 6–8, 1990*. Leiden, 161–166.
- Eilers, W., Herrenschmidt, C. 1988: Banda. In: *Encyclopaedia Iranica* III.7, 682–685.
- Flower, M.A. 2006: Herodotus and Persia. In: C. Dewald, J. Marincola (eds), *The Cambridge Companion to Herodotus*. Cambridge, 274–289.
- Flower, M.A., Marincola, J. 2002: *Herodotus: Histories Book IX*. Cambridge.
- Funke, P. 2007: Die Perser und die griechischen Heiligtümer in der Perserkriegszeit. In: B. Bleckmann (Hrsg.), *Herodot und die Epoche der Perserkriege. Realitäten und Fiktionen. Kolloquium zum 80. Geburtstag von Dietmar Kienast*. Köln—Weimar—Wien, 21–34.
- Garvie, A.F. 2009: *Aeschylus. Persae. With Introduction and Commentary*. Oxford.
- Georges, P. 1994: *Barbarian Asia and the Greek Experience. From the Archaic Period to the Age of Xenophon*. Baltimore.
- Goldhill, S. 1988: Battle Narrative and Politics in Aeschylus’ *Persae*. *Journal of Hellenic Studies* 108, 189–193.
- Grethlein, J. 2009: How not to do history: Xerxes in Herodotus’ *Histories*. *American Journal of Philology* 130, 195–218.
- Grethlein, J. 2011: Herodot und Xerxes. Meta-Historie in den Historien. In: R. Rollinger, B. Truschnegg, R. Bichler (Hrsgg.), *Herodot und das Persische Weltreich – Herodotus and the Persian Empire*. Wiesbaden, 103–122.

к потребностям, определяемым в том числе и социокультурной средой того или иного времени. Но вот тут-то мы и наблюдаем интересную деталь: образ Дария со временем перестает быть востребованным в изменившихся условиях, в отличие от образа Ксеркса, который продолжает будоражить умы не одного поколения людей, воспринимаясь как символ щедрости и богатства, угрозы порабощения и опасности деспотизма, олицетворением Востока, противостояния свободы и демократии, наполняясь многими смыслами.

- Grogan, J. 2014: *The Persian Empire in English Renaissance Writing, 1549–1622*. Basingstoke.
- Hall, E. 1989: *Inventing the Barbarian. Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxford.
- Hall, E. 1993: Asia unmanned: images of victory in classical Athens. In: J. Rich, G. Shipley (eds), *War and Society in the Greek World*. London–New York, 108–133.
- Hall, E. (ed.) 1996: *Aeschylus Persians*. Warminster.
- Harrison, T. 1998: Herodotus conception of foreign languages. *Histos* 2, 1–45.
- Harrison, T. 2000: *The Emptiness of Asia: Aeschylus' Persians and the History of the Fifth Century*. London.
- Harrison, T. 2002: The Persian invasions. In: E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds), *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln, 551–578.
- Harrison, T. 2008: Respectable to its ruins: Achaemenid Persia, ancient and modern. In: L. Hardwick, C. Stray (eds), *A Companion to Classical Receptions*. Oxford, 50–61.
- Harrison, T. 2011: The long arm of the King (Hdt. 8. 140–142). In: R. Rollinger, B. Truschnigg, R. Bichler (Hrsgg.), *Herodot und das Persische Weltreich – Herodotus and the Persian Empire. Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema «Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen»*, Innsbruck, 24–28. November 2008. Wiesbaden, 65–74.
- Hartog, F. 2009: *The Mirror of Herodotus. The Representation of the Other in the Writing of History*. Berkeley–Los Angeles.
- Henkelman, W.F.M., Kuhrt, A., Rollinger, R., Wiesehöfer, J. 2011: Herodotus and Babylon reconsidered. In: R. Rollinger, B. Truschnigg, R. Bichler (Hrsgg.), *Herodot und das Persische Weltreich – Herodotus and the Persian Empire. Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema «Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen»*, Innsbruck, 24–28. November 2008. Wiesbaden, 449–470.
- How, W.W., Wells, J. 1912: *A Commentary on Herodotus*. 1–2. Oxford.
- Hordern, J.H. 2002: *The Fragments of Timotheus of Miletus*. Oxford.
- Isaac, B. 2004: *The Invention of Racism in Classical Antiquity*. Princeton.
- Kantzios, I. 2004: The politics of fear in Aeschylus' Persians. *Classical World* 98, 3–19.
- Kent, R.G. 1933: A New Inscription of Xerxes. *Language* 9, 35–46.
- Kimbell, D. 2007: Operatic variations on an incident at the Hellespont. In: E. Bridges, E. Hall, P.J. Rhodes (eds), *Cultural Responses to the Persian Wars. Antiquity to the Third Millennium*. Oxford, 201–230.
- Klinkott, H. 2008: Zum persischen Adel im Achaimenidenreich. In: U. Walter, H. Beck, P. Scholz (Hrsgg.), *Die Macht der Wenigen. Aristokratische Herrschaftspraxis, Kommunikation und 'edler' Lebensstil in Antike und Früher Neuzeit*. Stuttgart, 207–251.
- Kuhrt, A. 1988: Earth and Water. In: A. Kuhrt; H. Sancisi-Weerdenburg (eds), *Achaemenid History. Vol. 3: Method and Theory. Proceedings of the London 1985 Achaemenid History Workshop*. Leiden, 87–99.
- Kuhrt, A. 2010: Achaemenid images of royalty and empire. In: G. Lanfranchi, R. Rollinger (eds), *Concepts of Kingship in Antiquity: Proceedings of the European Science foundation Exploratory Workshop held in Padova, November 28th–December 1st, 2007*. Padova, 87–106.
- Kuhrt, A. 2014: Reassessing the reign of Xerxes in the light of new evidence, In: M. Kozuh, W.F.M. Henkelman, C.J. Jones, C. Woods (eds), *Extraction and Control. Studies in Honor of Matthew W. Stolper*. Chicago, 163–169.
- Kuhrt, A., Sherwin-White, S. 1987: Xerxes' destruction of Babylonian temples. In: H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt (eds), *Achaemenid History 2: The Greek Sources. Proceedings of the Groningen 1984 Achaemenid History Workshop*. Leiden, 69–78.
- Kurke, L. 1999: *Coins, Bodies, Games, and Gold: The Politics of Meaning in Archaic Greece*. Princeton.
- Ladynin, I.A. 2011. [The statue of Darius I from Susa: an essay of interpretation in the light of Egyptian and Near Eastern religious and ideological notions]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 3–27.
- Ладынин, И.А. Статуя Дария I из Суз: к интерпретации памятника в свете религиозно-идеологических представлений Египта и Переднего Востока. *ВДИ* 1, 3–27.
- Lattimore, R. 1943: Aeschylus on the defeat of Xerxes. In: *Classical Studies in Honor of William Abbott Oldfather*. Urbana, 82–93.
- Lenfant, D. 1998: Les rois de Perse vus d'Athènes. In: M. Serwański (éd.), *Les grands hommes des autres. Actes du Xe colloque Poznan-Strasbourg des 4–6 novembre 1998*. Poznań, 33–49.
- Lenfant, D. 2009: *Les Histoires perses de Dilon et d'Héraclide. Fragments édités, traduits et commentés* (Persika, 13). Paris.
- Lenfant, D. 2014: Greek monographs on the Persian world: the fourth century B.C. and its innovations. In: G. Parmeggiani (ed.), *Between Thucydides and Polybius. The Golden Age of Greek Historiography*. Cambridge (MA), 197–210.

- Levene, D.S. 2007: Xerxes goes to Hollywood. In: E. Bridges, E. Hall, P.J. Rhodes (eds), *Cultural Responses to the Persian Wars. Antiquity to the Third Millennium*. Oxford, 383–404.
- Lewis, D.M. 1997: Persians in Herodotus. In: D.M. Lewis. *Selected Papers in Greek and Near Eastern History*. Cambridge.
- Lincoln, B. 2000: Death by water: strange events at the Strymon (*Persae* 492–507) and the categorical opposition of East and West. *Classical Philology* 95, 12–20.
- Lincoln, B. 2007: *Religion, Empire and Torture. The Case of Achaemenid Persia*. Chicago.
- Lincoln, B. 2008: The role of religion in Achaemenian imperialism. In: N. Brisch (ed.), *Religion and Power. Divine Kingship in the Ancient World and Beyond*. Chicago, 221–242.
- Llewellyn-Jones, L. 2013: *King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BCE*. Edinburgh.
- Llewellyn-Jones, L. 2015: “That my body is strong”: the physique and appearance of Achaemenid monarchy. In: D. Boschung, A. Shapiro, F. Waschenk (eds), *Bodies in Transition: Dissolving the Boundaries of Embodied Knowledge*. Paderborn, 211–248.
- Llewellyn-Jones, L., Robson, J. (transl.) 2010: *Ctesias' History of Persia: Tales of the Orient*. London–New York.
- Loloi, P. 2010: Portraits of the Achaemenid kings in English drama: sixteenth–eighteenth centuries. In: J. Curtis, St.J. Simpson (eds), *The World of Achaemenid Persia. History: Art and Society in Iran and the Ancient Near East*. London–New York, 33–40.
- Lur'e, S. Ya. 1947: *Gerodot [Herodotus]*. Moscow–Leningrad.
Лурье, С.Я. *Геродот*. М.; Л.
- Makhlayuk, A.V. 2012: [Achaemenid Persia in the Roman literature: the image of the «other» and specific features of historical memory]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Courier of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]* 3 (1), 199–208.
- Махляук, А.В. Ахеменидская Персия в римской литературе: образ «иного» и специфика исторической памяти. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 3 (1), 199–208.
- Makhlaiuk, A.V. 2015: Memory and images of Achaemenid Persia in the Roman Empire. In: J.M. Silverman, C. Waerzeggers (eds), *Political Memory in and after the Persian Empire*. Atlanta, 299–324.
- Marinovich, L.P. 2006: [Emergence and evolution of the doctrine concerning superiority of the Greeks over the barbarians]. In: L.P. Marinovich (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvary [Ancient Civilization and Barbarians]*. Moscow, 5–29.
Маринович, Л.П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами. В кн.: Л.П. Маринович (ред.), *Античная цивилизация и варвары*. М., 5–29.
- Mayerhofer, M. 1979: Archaismus und Innovation. Eine Grammatische Unterscheidung in Keilschrift-Paralleltexten aus achämenidischer Zeit. *Archiv Orientální* 47, 96–99.
- Miles, M.M. 2014: Burnt temples in the landscape of the past. In: J. Ker, C. Pieper (eds), *Valuing the Past in the Greco-Roman World: Proceedings from the Penn–Leiden Colloquia on Ancient Values VII*. Leiden–Boston, 111–145.
- Missiou, A. 1993: ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: the politics of translation. *Classical Quarterly* 43, 377–391.
- Mitchell, L.G. 1997: *Greek Bearing Gifts. The Public Use of Private Relationship in the Greek World, 435–323 BC*. Cambridge.
- Molyneux, J.H. 1992: *Simonides: A Historical Study*. Wauconda (IL).
- Munson, R.V. 2009: Who are Herodotus' Persians? *Classical World* 102, 457–470.
- Murray, G. 1940: *Aeschylus: The Creation of Tragedy*. Oxford.
- Nimchuk, C.L. 2002: The «archers» of Darius: coinage or tokens of royal esteem? In: *Ars Orientalis*. Vol. 32: *Medes and Persians: Reflections on Elusive Empires*, 55–79.
- Orlin, L.L. 1976: Athens and Persia ca 507 B.C.: a neglected perspective. In: L.L. Orlin (ed.), *Michigan Oriental Studies in Honor of G.G. Cameron*. Ann Arbor, 255–266.
- Papadimitropoulos, L. 2008: Xerxes' hubris and Darius in Aeschylus' *Persae*. *Mnemosyne* 61, 451–458.
- Pelling, C.B.R. 1997: Aeschylus' *Persae* and history. In: C. Pelling (ed.), *Greek Tragedy and the Historian*. Oxford, 1–19.
- Provencal, V.L. 2015: *Sophist Kings. Persians as Other in Herodotus*. London–New York.
- Rollinger, R. 2014: Thinking and writing about History in Teispid and Achaemenid Persia. In: K.A. Rauflaub (ed.), *Thinking, Recording and Writing History in the Ancient World*. Oxford, 187–212.
- Rood, T.C.B. 1999: Thucydides' Persian Wars. In: C.S. Kraus (ed.), *The Limits of Historiography: Genre and Narrative in Ancient Historical Texts*. Leiden, 141–168.
- Root, M.C. 1979: *The King and Kingship in Achaemenid Art. Essays on the Creation of an Iconography of Empire*. Leiden.
- Ruberto, A. 2012: La vittoria di Serse in Grecia. Problemi, testimonianze, ipotesi. *Klio* 94, 300–311.

- Rung, E.V. 2007: [The Greco-Persian Wars in the poetic tradition of the Greeks: from Simonides of Ceos to Aeschylus]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istorija 4* [Courier of the Saint Petersburg University. Series 2. History 4], 149–158.
- Рунг, Э.В. Греко-персидские войны в поэтической традиции греков: От Симонида Кеосского до Эсхила. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История 4*, 149–158.
- Rung, E. 2008: War, peace and diplomacy in Graeco-Persian relations. In: Ph. De Souza, J. France (eds), *War and Peace in Ancient and Medieval History*. Cambridge, 28–50.
- Rung, E.V. 2012: [The Greeks in the Achaemenid royal inscriptions: on the issue of localization of the Yauna]. In: *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti. Sbornik nauchnykh trudov XVII Sergeevskikh chtenii 2* [Orient, Europe and America in Antiquity: Collection of Scientific Papers of 17th Sergeev Readings]. Moscow, 116–123.
- Рунг, Э.В. Греки в ахеменидских царских надписях: к вопросу о локализации Yauna. В кн.: *Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVII Сергеевских чтений 2*. М., 116–123.
- Rung, E.V. 2015a: [The idea of empire in the state of the Achaemenids]. *Problemy istorii, filologii, kultury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 130–140.
- Рунг, Э.В. Имперская идея в государстве Ахеменидов. *ПИФК* 4, 130–140.
- Rung, E. 2015b: The language of the Achaemenid imperial diplomacy towards the Greeks: the meaning of earth and water. *Klio* 97, 503–515.
- Rung, E. 2016a: The burning of Greek temples by the Persians and Greek war-propaganda. In: K. Ul-anowski (ed.), *The Religious Aspects of War in the Ancient Near East, Greece, and Rome*. Leiden–Boston, 166–179.
- Rung, E.V. 2016b: [The cult of king in the Achaemenid Empire]. In: S. Yu. Saprykin et al. (eds), *Bogi sredi lyudey. Kul't praviteley v ellinisticheskem i postellinisticheskem mire* [Gods among Men: Cult of Rulers in the Hellenistic and Post-Hellenistic World]. Moscow–Saint Petersburg, 174–190.
- Рунг, Э.В. Культ царя в Ахеменидской державе. В кн.: С.Ю. Сапрыкин и др. (ред.), *Боги среди людей. Культ правителей в эллинистическом и постэллинистическом мире*. М. – СПб., 174–190.
- Rung, E.V., Orlov, V.P. 2016: [The name of *Masistes* in the history of the Achaemenid Empire]. *Problemy istorii, filologii, kultury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 2, 83–91.
- Рунг, Э.В., Орлов, В.П. Имя «Масист» в истории Ахеменидской империи. *ПИФК* 2, 83–91.
- Said, E.V. 2006: *Orientalizm. Zapadnye kontseptsiy Vostoka* [Orientalism, The Western Conceptions of the East]. Saint Petersburg.
- Сайд, Э.В. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.
- Saïd, S. 2002: Herodotus and Tragedy. In: E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds), *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln, 117–147.
- Sánchez, M.G. 2005: La figura del sucesor del Gran Rey en la Persia aqueménida. *Gerión* 9, 223–239.
- Sánchez, M.G. 2009: *El Gran Rey de Persia. Formas de representación de la alteridad persa en el imaginario griego*. Barcelona.
- Sánchez, M.G. 2014: The second after the King and Achaemenid Bactria in classical sources. In: B. Antela-Bernárdez, J. Vidal (eds), *Central Asia in Antiquity: Interdisciplinary Approaches*. Oxford, 37–42.
- Sancisi-Weerdenburg, H. 1980: *Yauna en Persai: Grieken en Perzen in een ander perspectief*, unpubl. PhD thesis. University of Leiden.
- Sancisi-Weerdenburg, H. 1987: Decadence in the empire or decadence in the sources. In: H. Sancisi-Weerdenburg (ed.), *Achaemenid History*. Vol. 1: *Proceedings of the Groningen 1983 Achaemenid History Workshop*. Leiden, 33–45.
- Sancisi-Weerdenburg, H. 1989: Gifts in the Persian Empire. In: P. Briant, C. Herrenschmidt (eds), *Le tribut dans l'empire perse: Actes de la Table ronde de Paris 12–13 Décembre 1986*. Paris, 129–145.
- Sancisi-Weerdenburg, H. 1993: Political concepts in Old-Persian royal inscriptions. In: K.A. Raaflaub (Hrsg.), *Anfänge politischen Denkens in der Antike. Die nahöstlichen Kulturen und die Griechen. (Kolloquium, München 10.–13. Juni 1990)*. München, 145–163.
- Sancisi-Weerdenburg, H. 2002: The personality of Xerxes, King of Kings. In: E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds), *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln, 579–590.
- Schmitt, R. 1986: Artaxerxes. In: *Encyclopaedia Iranica* II.6, 654–655.
- Schmitt, R. 1991: *The Bisitun Inscriptions of Darius the Great. Old Persian Text*. London.
- Schmitt, R. 1994: Darius.i. The Name. In: *Encyclopaedia Iranica* VII.1, 40.
- Schmitt, R. 2011: Xerxes.i. The Name. *Encyclopaedia Iranica*, online edition. <http://www.iranicaonline.org/articles/xerxes-i-name>.
- Scott, L. 2005: *Historical Commentary on Herodotus Book 6*. Leiden–Boston.
- Shahbazi, A.S. 1993: Crown prince. In: *Encyclopaedia Iranica* VI.4, 430–432.

- Shannon, A.R. 2007: The Achaemenid kings and the worship of Ahura Mazda: Proto-Zoroastrianism in the Persian Empire. *Studia Antiqua* 5, 79–85.
- Stoneman, R. 2015: *Xerxes. A Persian Life*. New Haven–London.
- Stronk, J.P. 2010: *Ctesias' Persian History*. Pt. I: *Introduction, Text, and Translation*. Düsseldorf.
- Surikov, I.E. 2011: *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii [The Essays on Historiography in Classical Greece]*. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Очерки об историописании в классической Греции*. М.
- Taifopoulos, Y.Z. 1995: Thucydidean rhetoric and the propaganda of the Persian War. *Parola del passato* 50, 91–115.
- Tuplin, C.J. 1997: Achaemenid arithmetic: numerical problems in Persian history. *Topoi. Orient–Occident* 1, 365–421.
- Tuplin, C.J. 1998: *Achaemenid Studies*. Stuttgart.
- Tuplin, C.J. 2010: The Marathon campaign: in search of a Persian dimension. In: K. Buraselis, K. Meidani (eds), *Marathon: Deme and Battle*. Athens, 251–274.
- Tuplin, C.J. 2015: The justice of Darius: reflections on the Achaemenid Empire as a rule-bound environment. In: A. Fitzpatrick-McKinley (ed.), *Assessing Biblical and Classical Sources for the Reconstruction of Persian Influence, History and Culture*. Wiesbaden, 73–126.
- Usmanov, S.M. 2003: [The «East of Xerxes» in Vladimir Solovyov's historiosophy: in search for interpretation]. In: M.V. Maksimov et al. (eds), *Solov'evskie issledovaniya. Periodicheskiy sbornik nauchnykh trudov [Solovyov Studies. Periodical Collection of scientific works]* 6. Ivanovo, 36–52.
- Усманов, С.М. «Восток Ксеркса» в историософии Владимира Соловьева: в поисках интерпретации. В кн.: М.В. Максимов и др. (ред.), *Соловьевские исследования. Периодический сборник научных трудов* 6. Иваново, 36–52.
- Vogt, J. 1972: Die Hellenisierung der Perser in der Tragödie des Aischylos. In: R. Stiehl, G. Lehmann (Hrsgg.), *Antike und Universalgeschichte*. Münster, 131–145.
- Voigtlander, E.N. von 1978: *The Bisitun Inscription of Darius the Great. Babylonian Version*. London.
- Waters, M.W. 1996: Darius and the Achaemenid line. *Ancient History Bulletin* 10, 11–18.
- Westenholz, J. 2000: The King, the Emperor, and the Empire. Continuity and discontinuity of royal representation in text and image. In: S. Aro, R.M. Whiting (eds), *The Heirs of Assyria. Proceedings of the Opening Symposium of the Assyrian and Babylonian Intellectual Heritage Project. Held in Tvärrminne, Finland, October 8–11, 1998*. Helsinki, 99–125.
- Wieseñöfer, J., Rollinger, R., Lanfranchi, G. 2011: *Ktesias' Welt – Ctesias' World*. Wiesbaden.
- Wiles, D. 1999: *Tragedy in Athens: Performance Space and Theatrical Meaning*. Cambridge.
- Zutterman, C. 2003: The bow in the ancient Near East: a re-evaluation of archery from the late 2nd millennium to the end of the Achaemenid period. *Iranica Antiqua* 38, 119–165.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АРАН — Архив Российской академии наук. Москва
- ВДИ — *Вестник древней истории*. Москва
- КБН — Струве, В.В. и др. (ред.), *Корпус боспорских надписей*. М. — Л., 1965 (=CIRB)
- КСИА — *Краткие сообщения института археологии*. Москва
- НО — Книпович, Т.Н., Леви, Е.И. (ред.), *Надписи Ольвии (1917—1965)*. Ленинград, 1968 (=IOlb)
- НЭПХ — Соломоник, Э.И. *Новые эпиграфические памятники Херсонеса*. Киев, Т. I—II, 1964; 1973
- ПИФК — *Проблемы истории, филологии, культуры*. Магнитогорск
- СА — *Советская археология*. Москва, 1957—1992
- ARV² — Beazley, J.D. *Attic Red-Figure Vase-Painters*. 2nd ed. Vol. I—III. Oxford, 1963
- AE — *L'année épigraphique*. Paris
- BE — *Bulletin Épigraphique* (Suppl. *Revue des études grecques*). Paris
- CAH² — *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. I—XIV. Cambridge, 1970—2005
- CIG — *Corpus Inscriptionum Graecarum*. Vol. I—IV. Berolini, 1828—1877
- CIL — *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Vol. I—XVI. Berolini, 1863—1959
- CIRB — Struve, V.V. et al. (eds), *Corpus Inscriptionum Regni Bosporani*. Leningrad—Moscow 1965 (=КБН)
- CVA Tübingen — *Corpus Vasorum Antiquorum. Deutschland. Tübingen, Antikensammlung des Archäologischen Instituts der Universität*. Bd 1—7. München. 1973—1997
- Edfou — Chassinat, É., Rochemonteix, M. de et al., *Le Temple d'Edfou*. Vol. I—XIV. Paris, 1897—1934
- FGrHist — Jacoby, F. (Hrsg.), *Die Fragmente der griechischer Historiker*. Bd I—III. Berlin—Leiden, 1923—1958
- GG(SL) — Gardiner, A.H. *Egyptian Grammar*. 3rd ed. Oxford, 1957, 432—531 (Signlist)
- IG — *Inscriptiones Graecae*. Berolini
- IBulg — Mihailov, G. (ed.), *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*. Vols. I—V. Sofia, 1956—1997
- IGR — Cagnat, R. et al. (eds), *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes*. Paris, 1901—1927
- IHeraclea — Jonnes, L. (ed.), *The Inscriptions of Heraclea Pontica* (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasiens, 47). Bonn, 1994
- IOlb — Knipovitch, T.N., Levi, E.I. (eds), *Inscriptiones Olbiae*. Leningrad, 1968 (=HO)
- IOSPE — Latyshev, B. (ed.), *Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Petropoli, 1885—1916
- ILLRP — Degrassi, A. *Inscriptiones Latinae Liberae Rei Publicae*. Firenze, 1957
- ILS — Dessau, H. *Inscriptiones Latinae Selectae*. T. I—V. Berolini, 1892—1916
- ISinope — French, D. (ed.), *The Inscriptions of Sinope* (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasiens, 64). Bonn, 2004
- ISM — Pippidi, D.M. (ed.), *Inscriptiones Scythiae Minoris Graecae et Latinae*. Vol. I—III. Bucuresti, 1983—1999
- Kom Ombos I — Morgan, J. de et al., *Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique*. Sér. I. Haute Égypte. T. II. 1. Kom Ombos. Vienne, 1895
- LÄ — Helck, W., Otto, Eb., Westendorf, W. (Hrsgg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd I—VI. Wiesbaden, 1975—1986
- LGPN — *A Lexicon of Greek Personal Names*. Oxford
- LIMC — *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Vols. I—VIII; Suppl. Zürich—München—Düsseldorf, 1981—2009

- LSJ — Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., *Greek-English Lexicon With a Revised Supplement*. Oxford, 1996
- Milet I — Wiegand, T. (Hrsg.), *Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899*. Bd I. Berlin, 1906
- Montpellier — Daumas, Fr. et al., *Valeurs phonétiques des signes hiéroglyphiques d'époque gréco-romaine*. Vol. 1–4. Montpellier, 1988–1995
- OGIS — Dittenberger, W. (ed.), *Orientis Graeci inscriptiones selectae* Vol. I–II. Lipsiae, 1903–1905
- OLD — Glare, P.G.W. *Oxford Latin Dictionary*. 2nd ed. Oxford, 2012
- PCG IV — Kassel, R., Austin, K. (eds), *Poetae Comici Graeci*. Vol. IV. *Aristophon-Crobylus*. Berlin, 1983
- PIR² — *Prosopographia Imperii Romani*. Editio secunda. Berolini–Lipsiae, 1933–1958
- RC — Welles, C.B. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period: A Study in Greek Epigraphy*. New Haven, 1934
- RE — Pauly, A., Wissowa, G., Kroll, W., Witte, K., Mittelhaus, K., Ziegler, K. (Hrsgg.), *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1894–1980
- RPC — Amandry, M., Burnett, A. et al. (eds), *Roman Provincial Coinage*. London–Paris
- SEG — *Supplementum epigraphicum Graecum*. Leiden
- SNG Aulock — *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschlands. Sammlung von Aulock*. Berlin, 1957–1968
- SP — *Studia Pontica*. Vol. I–III. Bruxelles, 1903–1910
- Syll³ — Dittenberger, W. (ed.), *Sylloge Inscriptionum Graecarum*. Editio tertia. Leipzig 1915–1924
- Urk. II — Sethe, K. *Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit* (Urkunden des ägyptischen Altertums, 2). Leipzig, 1904–1916
- Urk. VI — Schott, S. *Urkunden mythologischen Inhalts* (Urkunden des ägyptischen Altertums, 6). 12. Leipzig, 1929–1939
- Wb. — Erman, A., Grapow, H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Neudruck. Bd IV. Berlin, 1955
- WBR — Waddington, W., Babelon, E., Reinach, Th. (eds), *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. Vol. I. 1–3. Paris, 1904–1912; 2ème éd. Vol. I. 1. Paris, 1925

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Иванчик А.И.</i> (Москва) – К 80-летию журнала «Вестник древней истории».....	533
<i>Малых С.Е.</i> (Москва) – Функционирование восточного некрополя Гизы в конце Древнего царства и Первом Переходном периоде	537
<i>Карлова К.Ф., Ладынин И.А.</i> (Москва) – Кольцо вокруг Египта: изоляционистские мотивы в «Книге победы над Сетом» и в Стеле сатрапа	555
<i>Braund D.</i> (Exeter) – The Goddess Bendis in Fifth Century Athenian Culture	574
<i>Андреева Е.Н.</i> (Москва) – Sero sapivnt Phryges: образ фригийца в античной литературе	599
<i>Таривердиева С.Э.</i> (Екатеринбург– Москва) – Цезарь и «египетский вопрос» в 65 г. до н.э.	615
<i>Иванчик А.И.</i> (Москва) – Новое посвящение стратегов из Ольвии и проблема восстановления города после гетского разгрома	636
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) – TO KOINON TΩN PONTOU POLΙΩN в Южном Причерноморье	651
<i>Halamus M.</i> (Wroclaw) – Barbarization of the State? The Sarmatian Influence in the Bosporan Kingdom	688
<i>Рунг Э.В., Чиглинцев Е.А.</i> (Казань) – Darius versus Херхем: образы Дария I и Ксеркса в древнеперсидских текстах и в произведениях Эсхила и Геродота.....	696

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Захаров Е.В., Смирнов С.В.</i> (Москва) – Монеты государства Селевкидов из собрания Государственного Исторического музея	720

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Дементьева В.В.</i> (Ярославль) – Категориальный аппарат изучения «римской революции»: понятие «quasi civitas» в исследовании Я. Ю. Межерицкого	752

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Карпюк С.Г.</i> (Москва) – «Вестник древней истории»: начало	769
<i>Крих С.Б.</i> (Омск) – Автоисториография советского ученого: письмо В. В. Струве в редакцию ВДИ.....	778

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Сморчков А.М.</i> (Москва) – Научный семинар «Миусские античные поселенки IX» в Российском государственном гуманитарном университете (Москва, 31 марта – 1 апреля 2017 г.)	796

ПРИЛОЖЕНИЕ

Плиний Старший. Предисловие к «Естественной истории». Вступительная статья, перевод с латинского и комментарии <i>Е. В. Илюшечкиной</i> (Москва)	799

CONTENTS

<i>A. I. Ivantchik</i> (Moscow) – The 80 th Anniversary of the <i>Journal of Ancient History</i>	533
<i>S. E. Malykh</i> (Moscow) – Functioning of the Eastern Necropolis of Giza at the End of the Old Kingdom and the First Intermediate Period.....	537
<i>K. F. Karlova, I. A. Ladynin</i> (Moscow) – The Ring Around Egypt: Isolationist Motives in the <i>Book of Victory over Seth</i> and in the Satrap Stela	555
<i>D. Braund</i> (Exeter) – The Goddess Bendis in Fifth Century Athenian Culture	574
<i>E. N. Andreeva</i> (Moscow) – <i>Sero sapivnt Phryges</i> : the Image of the Phrygians in Classical Literature	599
<i>S. E. Tariverdieva</i> (Ekaterinburg– Moscow) – Caesar and the “Egyptian Question” in 65 BCE.....	615
<i>A. I. Ivantchik</i> (Moscow) – A New Dedication of Strategoi from Olbia and the Problem of the City’s Restoration after Its Destruction by the Getae	636
<i>S. Yu. Saprykin</i> (Moscow) – <i>TO KOINON TΩN ΠОНТОΥ ΠΟΛΙΩΝ</i> on the South Black Sea Coast .	651
<i>M. Halamus</i> (Wroclaw) – Barbarization of the State? The Sarmatian Influence in the Bosporan Kingdom.....	688
<i>E. V. Rung, E. A. Chiglintsev</i> (Kazan) – <i>Darius versus Xerxes</i> : The Images of Darius I and Xerxes in Old-Persian Texts and in the Works of Aeschylus and Herodotus	696

PUBLICATIONS

<i>E. V. Zakharov, S. V. Smirnov</i> (Moscow) – Seleukid Coins from the Collection of the State Historical Museum	720

DISCUSSIONS

<i>V. V. Dementyeva</i> (Yaroslavl) – Categorical Apparatus of the “Roman Revolution” Studies: the Term <i>quasi civitas</i> in Jakov Yu. Mezheritsky’s Research.....	752

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>S. G. Karpyk</i> (Moscow) – <i>Vestnik Drevney Istorii</i> : the Beginning.....	769
<i>S. B. Krikh</i> (Omsk) – Autohistoriography of the Soviet Scholar: V. V. Struve’s Letter to the Editor of <i>VDI</i>	778

NEWS AND EVENTS

<i>A. M. Smorchkov</i> (Moscow) – Research Workshop “Mius Classical Table-Talk IX” at the Russian State University for the Humanities (Moscow, 31 March – 1 April, 2017)	796

SUPPLEMENT

Pliny the Elder. Preface to the <i>Natural History</i> . Introduction, translation and commentary by <i>E. V. Ilyushechkina</i> (Moscow)	799

Сдано в набор 3.07.2017 г. Подписано к печати 31.08.2017 г. Дата выхода в свет 27.09.2017 г.

Формат 70 × 100¹/₁₆

Печать цифровая Усл.печ.л. 23,4 + 0,8 вкл. Усл.кр.-отт. 7,7 тыс. Уч.-изд.л. 28,1 Бум.л. 9,0
Тираж 327 экз. Зак. 1364 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32А

Издатель – ФГУП Издательство “Наука”, Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997

Оригинал-макет подготовлен ФГУП Издательство «Наука»

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»),
Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099